16 5
31

A6 5/31

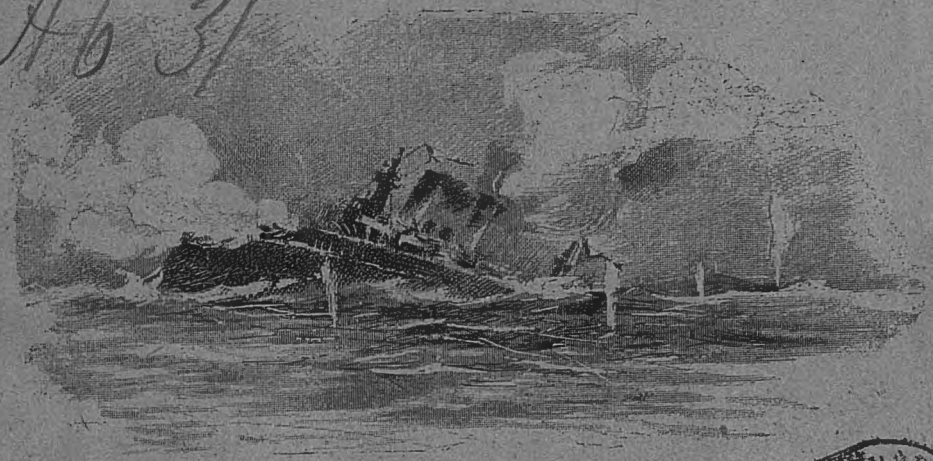
А 6 3/31

Н. Д.

БРОНЕНОСЕЦЪ „Адмиралъ Ушаковъ“, ЕГО ПУТЬ И ГИБЕЛЬ.

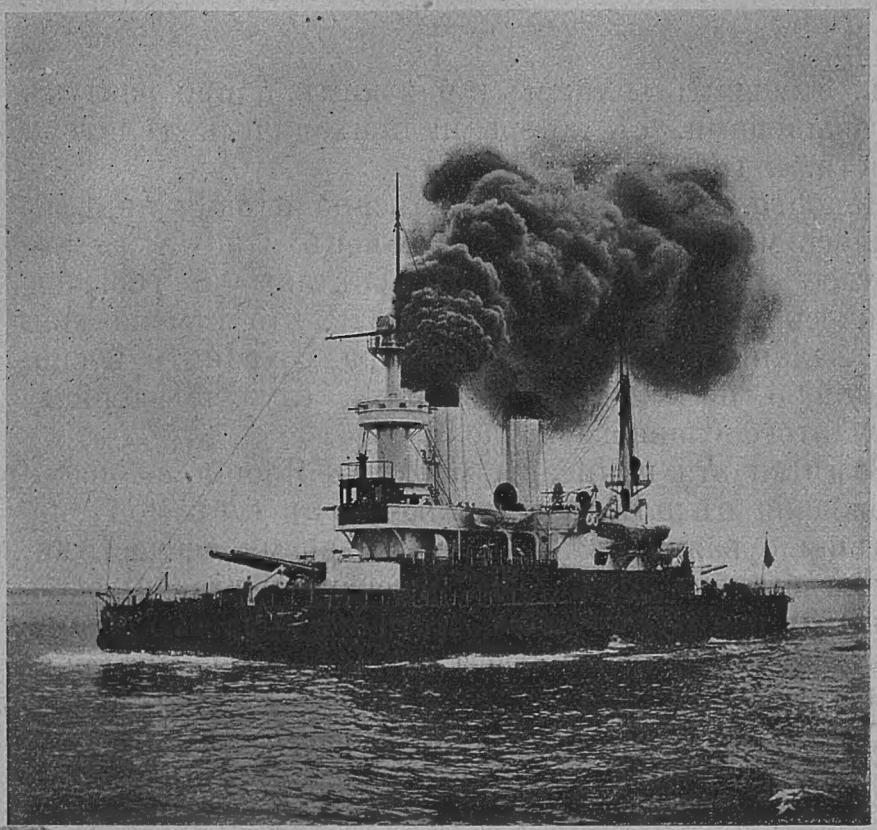
Цѣна 50 к.

А 6 5/31



Изъ журнала „МОРЕ“.

С.-Петербургъ.
Экономическая Типо-литографія, Вас. Остр., 14 линія, д. 5.
1906.



ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ
№ 5214
21/V 1931.
БИБЛІОТЕКА

Броненосецъ
Адмиралъ Ушаковъ

I. Путь на востокъ.

Много времени прошло уже съ того памятнаго вечера, когда озаряемый мягкими лучами заходящаго солнца, подъ ожесточеннымъ разстрѣломъ двухъ сильныхъ непріятельскихъ крейсеровъ, одиноко погибалъ въ Японскомъ морѣ маленькій броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ".

Каждому моряку знакомо то чувство глубокой привязанности, которое испытывается по отношенію къ судну, на которомъ приходится служить болѣе или менѣе продолжительное время, равно какъ и острое ощущеніе грусти въ моментъ разставанія съ кораб-

лемъ, ставшимъ роднымъ и близкимъ, и при разлукѣ съ товарищами, съ которыми приходилось дѣлить и радости, и горести.

Недолго, всего лишь два мѣсяца и одну недѣлю, довелось мнѣ провести на „Ушаковѣ“, но и за это короткое время такъ много свѣтлаго и горькаго пришлось пережить и переиспытать, что у меня явилось желаніе записать и навсегда сохранить воспоминанія о послѣднихъ мѣсяцахъ службы родному флоту этого славнаго корабля.

Замѣтки эти написаны мною въ Японіи, во время нахожденія въ плѣну и, заключая въ себѣ мои впечатлѣнія о важныхъ и въ то же время несчастнѣйшихъ событіяхъ въ исторіи русскаго флота, имѣютъ цѣлью дать краткое, но достаточно точное описаніе какъ плаванія, такъ и боевъ, въ которыхъ мнѣ привелось участвовать.

Теперь, нѣкоторыя мелочи, горестнаго для насъ дня Цу-Симской битвы, быть можетъ ускользаютъ изъ памяти, но за то все, что мною сюда внесено, дѣйствительно было и отнюдь не грѣшитъ противъ истины. Большинство моихъ товарищей прочло черновикъ этихъ записокъ и всѣ ихъ замѣчанія и поправки приняты мною во вниманіе.

Съ начала іюля 1904 года я находился въ плаваніи на канонерской лодкѣ „Черноморецъ“, бывшей станціонеромъ при нашей миссіи въ Аѳинахъ.

Одинъ за другимъ прошли черезъ Средиземное море отряды кораблей, направлявшихся на Мадагаскаръ и, наконецъ, поднялись слухи объ изготовленіи къ походу третьей эскадры.

Трудно было въ такое горячее время удовлетворяться безмятежной службой мирнаго станціонера, но, несмотря на все мое стремленіе попасть на вооружающуюся въ Либавѣ эскадру, мнѣ это не удавалось вслѣдствіе полнаго комплекта офицеровъ.

А между тѣмъ вооруженіе судовъ эскадры быстро подвигалось впередъ и 3-го февраля 1905 года отрядъ контръ-адмирала Небогатова вышелъ изъ Либавы съ цѣлью идти на соединеніе съ эскадрой вице-адмирала Рожественскаго, который въ это время стоялъ въ Носи-бей на Мадагаскарѣ.

Несмотря на серьезный штормъ, встрѣченный отрядомъ въ Атлантическомъ океанѣ, онъ поразительно быстро совершилъ переходъ вокругъ Европы, причемъ малоизвѣстные до того времени наши броненосцы береговой обороны—Адмиралы: „Ушаковъ“, „Сенявинъ“ и „Апраксинъ“ выказали свои отличныя морскія качества и на огромной океанской зыби держались лучше и спокойнѣе, нежели старые испытанные корабли „Николай I“ и „Владиміръ Мономахъ“.

И не лишенъ интереса разговоръ, который какъ разъ въ это время пришлось мнѣ вести въ Пиреѣ съ однимъ офицеромъ, только-что пріѣхавшимъ изъ Либавы.

Я очень интересовался состояніемъ отряда и особенно его маленькими „адмиралами“.

— Да что же, — сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, сами по себѣ кораблики эти ничего, ну а. что касается перехода черезъ Индѣйскій океанъ, то тамъ въ мусонѣ они очень вѣроятно, что и перевернутся. Ихъ вѣдь собственно говоря и послали-то только ради успокоенія общественнаго мнѣнія, взбудораженнаго газетными статьями.

Вотъ, значитъ, какъ думали даже моряки, когда отрядъ Небогатова уходилъ изъ Россіи.

Но „адмиралы“ скоро доказали свои хорошія качества, а также и то, что ихъ плохо знали въ своемъ же флотѣ.

Погрузивъ уголь разъ у Скагена и другой разъ въ Зафаринѣ, Небогатовъ неожиданно для всѣхъ и даже для всевѣдущихъ поставщиковъ-грековъ 28-го февраля появился передъ входомъ въ Судскую бухту.

Стройно, въ отличномъ порядкѣ вошелъ и сталъ на рейдѣ отрядъ, видомъ своимъ произведя самое хорошее впечатлѣніе не только на наши суда, бывшія въ Судѣ, но и на иностранцевъ.

При отрядѣ находились небольшой буксирный пароходъ „Свирь“ и транспорты: „Куронія“, „Ливонія“, „Ксенія“ и „Германъ Лерхе“, а на Критѣ къ нимъ еще присоединились огромный водоналивной пароходъ „Графъ Строгановъ“ и, оборудованный въ Одессѣ подъ госпиталь, пароходъ Добровольнаго флота „Кострома“.

Королева Эллиновъ, Ольга Константиновна, желая проститься съ уходящими на войну моряками, прибыла въ это же время на Критъ и посѣтила поочередно всѣ корабли, благословивъ каждый изъ нихъ иконою.

Отрядъ на ходу въ морѣ.

Какъ было уже упоминалъ выше, въ описываемое время я плавалъ на „Черноморцѣ“ и находился съ лодкой въ Воло, когда совершенно неожиданно командиромъ была получена телеграмма Главнаго штаба съ предложеніемъ немедленно доставить меня на эскадру Небогатова.

Придя черезъ сутки въ Пирей, мы застали тамъ нашъ миноносецъ, на которомъ послѣ самаго сердечнаго прощанія съ „Черноморской“ семьей, вечеромъ 5-го марта я вышелъ къ мѣсту своего новаго, полнаго загадочной будущности назначенія.

Придя утромъ 6-го марта въ Суду, къ подъему флага явился я на флагманскій броненосецъ и, представившись давно меня знавшему адмиралу, тутъ же былъ имъ назначенъ старшимъ артиллеристомъ броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“ вмѣсто списаннаго въ Зафаринѣ по болѣзни лейтенанта Г—а.

Выслушавъ о своемъ назначеніи, сначала я былъ нѣсколько огорченъ имъ, такъ какъ помнилъ пожеланія своихъ сослуживцевъ по „Черноморцу“: только не попасть подъ команду капитана Миклухи, который вообще слылъ за человѣка съ очень тяжелымъ и непріятнымъ характеромъ.

Но какъ же теперь я благословляю и всю жизнь

буду благословлять судьбу за это назначеніе, давшее мнѣ возможность служить и сражаться подъ начальствомъ именно такого доблестнаго командира, какимъ оказался покойный Владиміръ Николаевичъ.

Больной, съ сильно расшатанными нервами, Миклуха дѣйствительно подчасъ бывалъ довольно тяжелъ, но онъ безусловно былъ лучшимъ изъ всѣхъ командировъ отряда.

Старшимъ офицеромъ „Ушакова“ былъ милѣйшій А. А. Мусатовъ, являвшій собою даже при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ олицетвореніе спокойствія и невозмутимости. Первое впечатлѣніе, вынесенное мною по прибытіи на эскадру было самое благопріятное, — настроеніе хорошее и бодрое было замѣтно какъ среди офицеровъ, такъ и въ командѣ.

Собственно говоря, имѣя очень мало сношеній съ другими судами, я могъ судить объ этомъ только по своему „Ушакову“, на которомъ почти весь экипажъ начиная съ командира, шелъ на войну по своему желанію.

На другихъ корабляхъ, какъ потомъ оказалось, дѣло обстояло нѣсколько иначе и замѣчательно, что сообразно съ царившимъ во время похода направленіемъ, сообразно съ достоинствами командировъ и конечная участь судовъ стала различна.

Въ ночь на 8-е марта отрядъ вышелъ изъ Суды и на переходѣ до Портъ-Саида, сопровождавшемся очень свѣжей погодой съ громадной попутной зыбью, я имѣлъ случай лично убѣдиться въ легкости и плавности качки нашего маленькаго броненосца.

Видно было, что „Николай“ качается несравненно тяжелѣе, а на „Мономахъ“ даже жалко было смотрѣть—такъ немилосердно выматывало его изъ стороны въ сторону.

Ознакомившись со своей артиллеріей, я къ полному своему удовольствію нашелъ ее въ совершенной исправности. Установки 10″ орудій передъ уходомъ изъ Либавы были капитально пересмотрѣны заводомъ и всѣ гидравлическія приспособленія башенъ дѣйствовали отлично. 120 м/м. пушки батареи были тоже хорошія, а двѣ изъ нихъ, совершенно новыя только что присланныя съ завода.

Какъ у башенныхъ, такъ и у батарейныхъ орудій имѣлись оптическіе прицѣлы, — на которые возлагались большія надежды.

При отсутствіи мушки наводка орудія даже на качкѣ, благодаря этому прицѣлу весьма удобна и легка (конечно для напрактикованнаго человѣка), ясность же видимости такова, что когда корабль на разстояніи 40—45 кабельтовыхъ для простаго глаза совершенно скрывается (сливается въ одинъ общій силуэтъ), въ прицѣлъ этотъ можно свободно разобрать всѣ его отдѣльныя части. Громадное удобство представляютъ также помѣщенныя внутри прибора планки, дающія возможность дѣлать какъ вертикальную, такъ и горизонтальную установку прицѣла не отрывая глаза.

Боевой запасъ на броненосцѣ былъ тоже достаточный по 75 выстрѣловъ на каждое 10″ орудіе и по 160—на 120 м/м. пушку. Кромѣ того, добавочное количество снарядовъ, патроновъ и пороху лежало въ трюмахъ парохода „Ксенія“, который исполнялъ роль транспорта для „Ушакова“. Тамъ же помѣщалась большая отрядная мастерская.

Но, несмотря на огромную стоимость своего оборудованія и большое количество всевозможныхъ станковъ и инструментовъ, мастерская эта мало удовлетворяла нужды отряда, да и то лишь въ самыхъ мелочахъ.

Между мастеровыми не было никакой дисциплины, шло пьянство и начальникъ ихъ мастеръ Ж—въ совсѣмъ не имѣлъ требуемаго престижа.

Происходило же это отчасти оттого, что самъ Ж—въ никакой карательной властью облеченъ не былъ, а на неоднократныя свои обращенія за содѣйствіемъ къ капитану или прапорщику, завѣдывавшему на правахъ ротнаго командира военными матросами „Ксеніи“, постоянно получалъ отвѣтъ, что мастеровые ни тому, ни другому не подчинены. Нашъ буксиръ „Свирь“, хотя и шелъ подъ коммерческимъ флагомъ, но былъ укомплектованъ весь военною командой и состоялъ подъ командой прапорщика запаса Розенфельда.

Произведенный въ минувшую войну опытъ при-

зыва прапорщиковъ на разныхъ судахъ далъ очень разнообразные результаты. Попадались прекрасные люди, знающіе и дѣльные, каковымъ, напримѣръ, зарекомендовалъ себя вышепоменованный Розенфельдъ, поведеніе котораго какъ во время похода, такъ и среди боя было превыше всякихъ похвалъ.

Но немало было и такихъ прапорщиковъ, особенно по машинной части, которые, нося офицерскую форму, будучи членами каютъ-кампаній и титулуемые „благородіемъ“, зачастую не только по воспитанію, но и по спеціальнымъ знаніямъ бывали вынуждены стушевываться передъ кондукторами и даже унтеръ-офицерами.

Совершенно непонятное явленіе представлялъ изъ себя на одномъ изъ транспортовъ второй эскадры прапорщикъ, еле умѣвшій нацарапать свою фамилію и въ тоже время нанятый Главнымъ Штабомъ за огромное жалованіе, въ три съ половиной тысячи въ годъ, жалованіе, на которое съ радостью пошелъ бы человѣкъ съ высшимъ образованіемъ.

Упомянувъ выше о „Свири“, я хотѣлъ сказать о тѣхъ обязанностяхъ, которыя пароходъ во время пути несъ при отрядѣ.

Онъ развозилъ приказанія адмирала, обходилъ по вечерамъ эскадру, наблюдая, чтобы нигдѣ не было видно ни одного огонька, буксировалъ артиллерійскіе щиты во время стрѣльбъ и даже, когда требовалось, велъ на буксирѣ и корабли.

Такъ, напримѣръ, когда на переходѣ Индѣйскимъ океаномъ, на „Ушаковѣ“ случилось поврежденіе въ лѣвой машинѣ, мы почти двое сутокъ шли, работая одной правой и въ тоже время буксируемые „Свирью“, при чемъ могли имѣть 8 узловъ эскадреннаго хода и удерживать свое мѣсто въ строю.

На разсвѣтѣ 11 марта подошли мы къ Портъ-Саиду, гдѣ и ошвартовились противъ города по указанію лоцмановъ.

Едва наши суда заняли свои мѣста, какъ тотчасъ же около каждаго появилась охрана отъ Египетскаго правительства.

Сидящіе на шлюпкахъ черномазые солдаты-негры крайне добросовѣстно исполняли свои обязанности,

никого не подпуская къ кораблямъ безъ особаго билета изъ русскаго консульства.

Команду въ Портъ-Саидѣ на берегъ не отпускали, офицерамъ-же былъ разрѣшенъ съѣздъ до десяти часовъ вечера.

Державшаяся послѣднее время въ Средиземномъ морѣ холодная погода, сразу смѣнилась здѣсь страшной жарой, не переставшей затѣмъ мучить насъ непрерывно два мѣсяца вплоть до Китайскаго моря.

12-го марта съ разсвѣтомъ началось движеніе отряда по Суэцкому каналу.

Корабли пускались по очереди и на довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи.

Правили наши рулевые, но подъ непосредственнымъ руководствомъ компанейскихъ лоцмановъ.

Это по большой части уже очень пожилые люди, всю свою жизнь занимавшіеся проводкой судовъ изъ конца въ конецъ по каналу и до тонкости знакомые съ каждымъ его уголкомъ. Ходъ держать приходилось около 8 узловъ, измѣняя его въ ту или другую сторону по требованію лоцмана.

Путь по каналу представляетъ интересъ только лишь первое время, потомъ-же полное однообразіе картины, унылые пески пустыни, да фигуры негровъ на берегахъ—все это скоро утомляетъ взоръ и хочется скорѣе вырваться изъ этихъ стѣнъ, раскаленныхъ и знойныхъ на просторъ моря.

Около 2 часовъ дня мы проходили мимо Измаиліи, лѣтней резиденціи египетскаго хедива.

На правомъ высокомъ берегу ко времени нашего прохода собралось большое количество публики, встрѣчавшей насъ маханіемъ платками и провожавшей пожеланіями счастливаго пути и успѣха.

Грустно вспомнить всѣ эти выражавшіяся тогда на разныхъ языкахъ привѣтствія и пожеланія,— вспомнить теперь, когда нашъ долгій путь завершенъ столь печальнымъ образомъ, когда всѣ, одушевлявшія и окрылявшія насъ въ то время мечты и надежды, погребены на днѣ Корейскаго пролива, когда нѣкоторые наши малодушные товарищи смѣнили родной Андреевскій крестъ на вражескій флагъ Восходящаго солнца!

Красивъ и въ высшей степени оригиналенъ становится путь по каналу лишь ночью, когда съ наступленіемъ темноты открываютъ свое освѣщеніе большіе, сильные прожектора, устанавливаемые администраціей канала на носу каждаго идущаго судна.

Яркій лучъ низко помѣщеннаго прожектора, заливая своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ нѣкоторое пространство зеленой воды, захватываетъ и бѣлѣющіе пески береговъ и, оставляя все остальное во мракѣ ночи, даетъ въ общемъ причудливую фантастическую картину.

На рейдъ Суэца мы пришли около 9 часовъ вечера, а къ полночи туда стянулись и остальныя суда отряда.

Такимъ образомъ отрядъ со своими транспортами занималъ каналъ около восемнадцати часовъ и то лишь потому, что мы шли непрерывно, всѣ-же встрѣчные пароходы задерживались администраціей въ озерахъ.

Послѣ съѣзда съ „Николая“ нашего дипломатическаго агента въ Египтѣ П. В. Максимова, совершившаго съ адмираломъ весь переходъ по каналу, въ 2 часа дня 13 марта эскадра наша снялась съ якоря и, предшествуемая двумя маленькими египетскими крейсерами, тронулась на югъ по Суэцкому заливу.

Жара и духота стояла невыносимыя и хотя адмираломъ была объявлена лѣтняя форма одежды, но и она давала облегченія не слишкомъ много.

Переходъ Краснымъ моремъ длился семь сутокъ и, не смотря на то что былъ совершенъ при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, все-же не обошелся безъ человѣческой жертвы.

На „Апраксинѣ“ умеръ отъ тепловаго удара матросъ и тѣло его для вскрытія было передано на „Кострому“, а ночью погребено въ морѣ.

Условія тропическаго плаванія были очень тяжелы, особеннно на такихъ корабляхъ какъ наши маленькіе броненосцы, приспособленные лишь для непродолжительныхъ прибрежныхъ плаваній въ умѣренномъ климатѣ.

Крайне недостаточная вентиляція нижнихъ жилыхъ помѣщеній, въ которыхъ температура подыма-

лась до 50° С., отсутствіе льда и рефрежераторовъ — все это сильно давало себя чувствовать.

Въ каютахъ, расположенныхъ вдоль черныхъ раскаленныхъ и за ночь не остывающихъ бортовъ, жить не было никакой возможности и всѣ офицеры, спали на верхней палубѣ. А когда бывало нужно днемъ заняться въ каютѣ, то приходилось, оставшись въ болѣе чѣмъ легкомъ костюмѣ, садиться вплотную къ работающему полнымъ ходомъ вентилятору, цѣлая партія которыхъ была, по счастью, пріобрѣтена офицерами во время стоянки въ Портъ-Саидѣ.

У насъ нельзя было, какъ на хорошо обставленныхъ судахъ второй эскадры, брать большіе запасы свѣжей провизіи, а приходилось кормиться почти исключительно консервами.

Но надо отдать полную справедливость современнымъ консервамъ, что они не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Когда напримѣръ среди океана приходилось ѣсть рябчиковъ въ сметанѣ, да еще съ брусничнымъ вареньемъ, то иллюзія бывала полная.

Что-же касается нашей команды, то она такъ пристрастилась къ консервнымъ щамъ съ кашей, что когда во время погрузокъ угля удавалось достать съ транспорта быка и сварить щи со свѣжимъ мясомъ, матросы ѣли ихъ съ меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ консервы.

Вообще за два мѣсяца плаванія на столъ, кромѣ неизбѣжнаго однообразія, пожаловаться было нельзя.

16 и 18 марта отрядомъ были произведены вспомогательныя стрѣльбы изъ учебныхъ стволовъ по щитамъ, буксируемымъ кораблями другъ для друга.

Суда, сбросивъ на воду щиты, перестраивались въ двѣ кильватерныхъ колонны и имѣя между ними 9 кабельтововъ разстоянія, производили стрѣльбу, продолжая идти своимъ надлежащимъ курсомъ.

На Н. И. Небогатовѣ, теперь, черномъ пятномъ лежитъ фактъ сдачи непріятелю, но отнюдь не будучи къ нему пристрастнымъ, думаю что только несчастное стеченіе обстоятельствъ и излишняя, на войнѣ даже неумѣстная, гуманность, побудили его совершить такой поступокъ.

Но во все время похода вплоть до роковаго момента, адмиралъ нашъ высоко стоялъ въ общемъ мнѣніи и пользовался вполнѣ заслуженно любовью и уваженіемъ.

Энергичный, разумный въ своихъ требованіяхъ, Небогатовъ отнюдь не держалъ личный составъ своего отряда въ состояніи угнетенности и забитости, а напротивъ возбуждалъ всѣхъ своей бодростью, своимъ непреклоннымъ желаніемъ идти впередъ во что-бы то ни стало.

Посѣщая запросто свои корабли, онъ интересовался всякой мелочью относительно боевой готовности ихъ и всегда у него находились полезные и дѣловые совѣты и указанія. Когда послѣ гибели „Ушакова“, японцы сообщили про сдачу Небогатова, никто изъ насъ имъ не повѣрилъ—до того не вязалась возможность такого ужаснаго факта съ представленіемъ о нашемъ адмиралѣ и лишь видъ нашихъ кораблей на рейдѣ Сосебо показалъ, что и неожиданное стало возможнымъ въ наше грустное время. Но объ этомъ послѣ.

Рано утромъ 20 марта подошли мы къ Джибути, гдѣ и простояли пять сутокъ.

Собственно говоря, мы стояли не въ Джибути и даже не на рейдѣ его, а въ открытомъ морѣ въ 6—7 миляхъ отъ берега.

Насколько велико было это разстояніе, видно изъ того, что хорошій паровой катеръ долженъ былъ употреблять почти полтора часа времени на переходъ отъ эскадры до пристани, а силуэты кораблей съ берега были еле примѣтны.

Такъ было сдѣлано адмираломъ во избѣжаніе какихъ бы то ни было разговоровъ относительно нарушенія французскаго нейтралитета.

Время стоянки въ Джибути было посвящено пополненію запасовъ угля съ нѣмецкихъ угольщиковъ, которые послѣ того насъ покинули, а также необходимымъ работамъ по машинной части.

Запасшись возможнымъ количествомъ свѣжей провизіи и закончивъ разсчеты съ берегомъ, около полудня 25 марта отрядъ снялся съ якоря и направился въ Аденскій заливъ.

И ровно черезъ два мѣсяца, а именно 25 мая, намъ,

и то не всѣмъ, а только двумъ третямъ офицерскаго состава „Ушакова“ снова удалось ступить на землю. И, увы, это была уже почва Японіи—мы очутились въ плѣну.

Но, въ то славное время мы, полные самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, не допуская даже мысли о возможности неблагопріятнаго исхода, въ самомъ бодромъ настроеніи готовились къ преодолѣнію шири Индѣйскаго океана.

Черезъ два дня послѣ выхода въ Аденскій заливъ была произведена для практики первая боевая стрѣльба. Адмиралъ, понимая, что въ бою придется стрѣлять исключительно на большихъ дистанціяхъ, вполнѣ основательно рѣшилъ и эту стрѣльбу продѣлать на настоящихъ боевыхъ разстояніяхъ.

Пять нашихъ буксирныхъ щитовъ были связаны вмѣстѣ и оставлены свободно плавать. Стрѣльба началась съ 50 кабельтовыхъ, такъ что сначала щиты даже въ оптическіе прицѣлы были съ трудомъ различимы. Передъ стрѣльбой адмиралъ отдалъ приказъ, въ которомъ говорилось, что если цѣль находится далеко по носу, то командиры судовъ самостоятельно строятся въ строй пеленга, дабы всѣ орудія могли дѣйствовать и передніе мателоты не мѣшали заднимъ.

По мѣрѣ же приближенія цѣли къ траверзу, корабли опять вступаютъ въ кильватерную колонну и дѣйствуютъ всѣмъ бортомъ.

Такъ велъ нашъ отрядъ эту первую стрѣльбу, также производилась имъ и вторая и также должны мы были дѣйствовать въ бою, если бы намъ суждено было имѣть дѣло съ непріятелемъ до соединенія со второй эскадрой. А когда пробилъ наконецъ роковой часъ ужаснаго Тсу-Симскаго боя, то дюжина нашихъ разнотипныхъ броненосцевъ, вытянувшись въ одну безконечную кильватерную колонну, въ которой тихоходы парализовали наши главныя силы, цѣлый день не маневрировали, а судорожно метались изъ стороны въ сторону, поочередно избиваемые разсчитанно дѣйствовавшимъ врагомъ.

Недавно изъ русскихъ газетъ мнѣ пришлось узнать что находятся люди, объясняющіе весь Тсу-Симскій

погромъ тѣмъ, что къ эскадрѣ насильно „были пришиты утюги“ Небогатовскаго отряда.

Это мнѣніе до такой степени наивно, что на него не стоило бы даже обращать вниманія, еслибы оно высказывалось кадетомъ младшаго класса, а не лицомъ, занимавшимъ столь важное мѣсто въ штабѣ эскадры и сильно прикосновеннымъ къ дѣлу именно „перекраиванія и сшиванія надлежащимъ образомъ имѣющихся подъ руками силъ“.

Цѣль этихъ моихъ замѣтокъ исключительно описательная и отнюдь не желаніе что-либо подвергать осужденію, но не могу не высказать, что со времени нашего вступленія въ составъ второй эскадры постоянно чувствовалось, что многое стало дѣлаться не такъ, какъ надо, а 14 мая все дѣлалось именно такъ, „какъ не надо сражаться“. Обнаружился какой-то внутренній разладъ.

Я убѣжденъ, что ради огражденія русскаго флота отъ повторенія подобнаго погрома, вся Цу-Симская трагедія будетъ подвергнута самому строгому и детальному изслѣдованію, а что касается только что упомянутаго мнѣнія о „пришитыхъ“ утюгахъ, то мнѣ кажется что они очень пригодились бы при другой обстановкѣ.

Однако, отклонившись въ сторону, я возвращаюсь къ продолженію прерваннаго описанія.

Для наблюденія за результатами стрѣльбы пароходъ „Свирь“ съ офицерами адмиральскаго штаба, былъ поставленъ нѣсколько въ сторонѣ, въ удобномъ для того мѣстѣ. До чего трудно самому съ судна опредѣлять на большихъ дистанціяхъ достоинство паденія своихъ снарядовъ, наглядно показываетъ то обстоятельство, что когда всѣмъ, находившимся на мостикѣ броненосца казалось, что снаряды ложатся хорошо, по возвращеніи къ эскадрѣ „Свири“ выяснилось, что при хорошихъ направленіяхъ, отклоненія въ дальности, т. е. перелеты и недолеты были очень велики.

Адмирала сильно огорчили результаты этой стрѣльбы и онъ самое строгое вниманіе обратилъ на дальномѣрное дѣло.

На „Ушаковѣ“ было четыре дальномѣра Барра и

Струда, изъ которыхъ два были совершенно новые, пара же другихъ, долго служившихъ слушателямъ артиллерійскаго класса, была далеко не въ блестящемъ видѣ.

На первой же стоянкѣ въ Меербатѣ была произведена самая тщательная провѣрка инструментовъ по звѣзднымъ наблюденіямъ и уничтожены ихъ погрѣшности.

По выходѣ изъ Джибути всѣ мы были убѣждены, что идемъ на Сокотру, гдѣ по словамъ адмирала, предполагалась послѣдняя передъ выходомъ въ океанъ погрузка угля.

Но послѣ стрѣльбы, когда давно уже пора было склоняться на югъ, къ общему удивленію было замѣчено, что „Николай“ не только не мѣняетъ курса вправо, а наоборотъ приводитъ на NO. Скоро оказалось, что мы направляемся въ пустынную бухту юго-восточнаго берега Аравіи—Меербатъ, гдѣ и стали на якорь съ разсвѣтомъ 30 марта.

Часа черезъ два сюда же прибыли и всѣ наши транспорты, вышедшіе изъ Джибути на 2—3 дня позже насъ.

Общее начальствованіе транспортами находилось въ рукахъ флагманскаго интенданта, имѣвшаго свое пребываніе на „Куроніи“. На каждомъ транспортѣ кромѣ вольнонаемнаго пароходнаго экипажа, находилось еще нѣкоторое число военныхъ матросъ, состоявшихъ подъ командой особо назначенныхъ прапорщиковъ.

Въ Меербатѣ адмираломъ было дано два дня на необходимыя работы, на пріемку запасовъ съ транспортовъ и на окончательную догрузку углемъ.

Эти угольныя погрузки, обыкновенно происходившія дней черезъ десять, а иногда и чаще, составляютъ одно изъ самыхъ темныхъ воспоминаній нашего плаванія.

„Ушаковъ“, согласно тактическаго формуляра могъ вмѣстить 400 съ чѣмъ-то тоннъ угля, на дѣлѣ же мы принимали до 600 и даже болѣе.

Ради этого кромѣ заполненія всѣхъ угольныхъ ямъ, набивались мѣшками: командирская столовая, погребъ подъ капитанскимъ помѣщеніемъ, заваливался на высоту двухъ аршинъ весь ютъ, а затѣмъ

еще груды мѣшковъ складывались всюду въ свободныя мѣста батареи и жилой палубы.

Расходъ угля на броненосцѣ при обычномъ 8—9 узловомъ ходѣ (при двухъ котлахъ) не превышалъ 30 тоннъ въ сутки.

Такимъ образомъ эти корабли береговой обороны, главнымъ недостаткомъ которыхъ считался ихъ малый запасъ угля, оказывались снабженными топливомъ на три недѣли экономическаго хода, т. е. почти на 4000 миль.

Если бы въ дѣйствіи были всѣ четыре котла, то и тогда угля у насъ хватало бы на 12 сутокъ, т. е. на $3^1/_2$ тысячи миль 14-ти узловаго хода.

Казалось бы, что все это прекрасно, но были здѣсь и свои отрицательныя стороны. Страдая хроническимъ недостаткомъ русскаго кораблестроенія—перегрузкой, наши корабли благодаря такому количеству угля и полному боевому запасу, въ сущности оказывались совершенно лишенными бортовой брони, которая цѣликомъ уходила въ воду. Но когда мы встрѣтились со второй эскадрой, то наша перегрузка казалась пустяшной по сравненію съ низкой осадкой ея судовъ.

Начавъ говорить о погрузкахъ угля, я хочу нарисовать для памяти картину той страшной, неимовѣрно тяжелой работы, которую приходилось выполнять въ эти дни нашей командѣ.

Количество принимавшагося у насъ за одинъ разъ угля колебалось обыкновенно между 200—400 т. Все время перехода океаномъ погода намъ благопріятствовала и среди океана мы имѣли возможность нѣсколько разъ производить погрузки прямо съ транспортовъ, которые швартовились бортъ о бортъ съ броненосцами.

Команда наша, работавшая обыкновенно хорошо, успѣвала въ первые часы, въ зависимости отъ условій и удобства погрузки, принимать по 30—40 тоннъ въ часъ.

Но работа въ раскаленномъ трюмѣ парохода, переноска на себѣ тяжелыхъ корзинъ подъ лучами немилосердно палящаго тропическаго солнца—все это скоро подрывало силы людей и ослабляло ихъ энергію.

Насъ офицеровъ обыкновенно распредѣляли по трюмамъ, къ стрѣламъ лебедокъ и къ угольнымъ

ямамъ. И я долженъ сказать, что пробыть четыре часа въ этой разогрѣтой атмосферѣ, дышать насыщеннымъ угольной пылью воздухомъ—было очень тяжело.

А вѣдь мы еще въ это время не несли никакого физическаго труда—такъ предоставляю же читающему эти строки самому судить, что должны были испытывать матросы, занятые при подобныхъ условіяхъ десять, а то и двадцать часовъ этой изнурительной, прямо каторжной работой. А что въ это время дѣлалось внутри броненосца—это не поддается описанію.

Закрытые люки и иллюминаторы, глухіе обвѣсы—все это создавало внизу такую духоту и настолько подымало температуру, что многіе изъ офицеровъ, даже не причастныхъ къ погрузкѣ, предпочитали сидѣть наверху среди мѣшковъ съ углемъ, а не задыхаться въ каютахъ и каютъ-компаніи.

Но всего хуже и тяжелѣе было то обстоятельство, что послѣ подобныхъ погрузокъ, послѣ угольной грязи, въѣдавшейся въ тѣло и забивавшей поры—не было даже прѣсной воды, чтобы вымыться, т.-к. прѣсную воду мы должны были всѣми мѣрами экономить.

Жалко бывало смотрѣть на команду, толпящуюся около душа изъ соленой забортной воды и болѣе размазывающую по тѣлу грязь, нежели отмывающую ее, т.-к. мыло въ соленой водѣ совершенно не растворяется. Немногимъ лучше приходилось и офицерамъ, но у насъ все же была прѣсная вода въ умывальникахъ, да кромѣ того вѣстовые обыкновенно ухищрялись по секрету отъ старшаго офицера раздобыть для своего барина лишнее ведерко прѣсной воды.

И лишь тогда можно было въ видѣ огромнѣйшей роскоши получить прѣсную ванну, когда у борта стоялъ благодѣтель „Строгановъ“ дававшій воду въ изобиліи.

Да, не изъ пріятныхъ эти „угольныя“ воспоминанія и какъ грустно, что всѣ огромные труды, понесенные за долгіе и тяжелые мѣсяцы плаванія нашихъ эскадръ, всѣ эти труды и усилія пропали совершенно даромъ!

Пришедшіе въ Меербатъ транспорты, за время перехода изъ Джибути, перекраской совершенно измѣнили свой внѣшній видъ.

Это было сдѣлано ввиду того, что еще во время

слѣдованія отряда по Суэцкому каналу всѣ отличія нашихъ пароходовъ были замѣчены и записаны японскимъ агентомъ, который намъ попался въ Портъ-Саидѣ.

Простоявъ назначенные адмираломъ два дня, вечеромъ 31 марта снялись мы съ якоря и направились въ Индійскій океанъ, совершенно не зная какимъ изъ проливовъ пройдемъ мы Зондскій Архипелагъ.

Почти все время океанскаго перехода, мы не встрѣчали никакихъ судовъ, такъ далеки мы были отъ большаго пути и лишь начиная съ меридіана Коломбо, показались 3—4 парохода.

Все время, свободное отъ погрузокъ или перегрузокъ угля, посвящалось боевой подготовкѣ команды.

Машинная команда, въ своемъ дѣлѣ была вполнѣ на высотѣ положенія, вынеся такой огромный и тяжелый путь.

Усталые, изнуренные невыносимой жарой въ машинѣ и кочегаркахъ, люди выходили наверхъ послѣ вахты и нигдѣ не могли найти себѣ мѣста для отдыха на раскаленномъ кораблѣ.

И вотъ, приткнувшись гдѣ-нибудь въ корридорѣ, они забывались на нѣсколко часовъ мертвымъ сномъ, а затѣмъ опять внизъ, опять на свою тяжелую работу...

Однако, тяжелый физическій трудъ имѣлъ и свою хорошую сторону, отвлекая людей отъ излишнихъ мечтаній. И такъ всѣ работали изо дня въ день цѣлые три мѣсяца, въ теченіи которыхъ мы имѣли всего лишь двадцатьсутокъ неходовыхъ.

Но эти дни стоянокъ не только ни для кого не были днями отдыха, а напротивъ, они цѣликомъ посвящались усиленной работѣ по всевозможнымъ погрузкамъ и пріемкамъ, а для машинной команды всегда находилось еще какое нибудь дѣло.

Кромѣ своихъ исправленій, машинистамъ немало приходилось работать и для судовой артиллеріи, исправляя ея мелкія поврежденія. Занятія же, о которыхъ я упомянулъ выше, велись исключительно въ смыслѣ подготовленія людей къ бою.

У всѣхъ орудій какъ въ башняхъ, такъ и въ батареѣ, кромѣ своей штатной прислуги обучались еще по двѣ смѣны.

Смѣны эти были составлены изъ прислуги мелкой артиллеріи и изъ строевой, а отчасти также и машинной команды.

Занятія съ ними велись согласно объявленной въ приказѣ программѣ, сообразуясь съ которой людямъ давались самыя важныя и насущныя познанія.

Такъ, каждый изъ обучающихся, за самыми рѣдкими исключеніями, умѣлъ зарядить свою пушку, навести ее черезъ простой и оптическій прицѣлы и произвести выстрѣлъ, сдѣлавъ самостоятельно установку прицѣла и цѣлика.

Объяснялись также всѣ предосторожности при стрѣльбѣ и показывались способы исправленія мелкихъ поврежденій.

Вообще на нашемъ отрядѣ нельзя было пожаловаться на недостатокъ обученія и теоретической подготовки людей, которые съ большой охотой занимались у орудій не только въ часы уроковъ, но и въ свободное время.

И все же это далеко не то, что нужно для успѣшнаго веденія боя, не то, что въ изобиліи было у японцевъ и чѣмъ они насъ побѣдили! Ни командиры, ни офицеры, ни комендоры (наводчики) не имѣли у насъ не только широкой, но хотя бы мало-мальски достаточной практики въ стрѣльбѣ на большія дистанціи и въ боевой обстановкѣ, то есть съ разумнымъ маневрированіемъ.

Какъ на черное дѣло смотрѣли всегда у насъ на флотѣ на стрѣльбу, какъ на бичъ для окраски и цѣлости филенокъ и стеколъ — и результаты такихъ взглядовъ на лицо...

У японцевъ же дѣло обстояло не такъ—у нихъ была эта необходимая практика, и, какъ потомъ мы узнали, была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Небогатовъ, здраво смотрѣвшій на дѣло, понималъ, что совсѣмъ безъ практики и во время боя стрѣльба будетъ никуда не годной, что безъ умѣнія стрѣлять и въ то же время управлять этой стрѣльбой и кораблемъ—весь боевой запасъ будетъ даромъ выброшенъ въ море.

А потому онъ и не поскупился на нѣкоторое число снарядовъ изъ запаса и продѣлалъ двѣ боевыхъ стрѣльбы.

Во время обѣихъ этихъ стрѣльбъ каждая башня сдѣлала по шестнадцати боевыхъ выстрѣловъ и я увѣренъ, что даже это незначительное число выстрѣловъ принесло намъ несомнѣнную пользу.

Кромѣ того, что командиры и артиллеристы убѣдились въ полной исправности своихъ пушекъ и установокъ, прислуга получила порядочную практику въ дѣйствительномъ заряжаніи большихъ орудій, которое до стрѣльбъ производилось лишь примѣрно.

Я помню какъ волновался передъ первой стрѣльбой и съ какой спокойной увѣренность въ артиллеріи шелъ въ бой послѣ двухъ ея испытаній и надо отдать справедливость установкамъ въ томъ, что за цѣлый день непрерывнаго боя 14 мая онѣ дѣйствовали отлично.

Я говорилъ уже выше, что послѣ первой стрѣльбы въ Аденскомъ заливѣ, адмираломъ было обращено самое серіозное вниманіе на исправность дальномѣровъ и на обученіе дальномѣрщиковъ.

Для этого по выходѣ изъ Меербата были производимы ежедневно утреннія и послѣобѣденныя особыя занятія, которыя длились цѣлый мѣсяцъ и происходили при слѣдующей обстановкѣ.

По сигналу флагмана „начать опредѣленіе разстояній“, крейсеръ „Владиміръ Мономахъ“ тотчасъ же отдѣлялся отъ эскадры и уходилъ въ ту или иную сторону, удаляясь на 80—100 кабельтовыхъ.

Въ это время дальномѣры всѣхъ кораблей непрерывно опредѣляли разстоянія до „Мономаха“ и въ моментъ подъема, а затѣмъ спуска условнаго для каждаго корабля флага, какъ на этомъ суднѣ, такъ и на крейсерѣ записывалось взаимно и одновременно измѣренное разстояніе.

Продѣлавъ по 5—6 такихъ наблюденій для каждаго броненосца, „Мономахъ“ возвращался къ отряду и по пути поочередно обмѣнивался со всѣми судами показаніями опредѣленій.

Слѣдя за этими сигналами, адмиралъ сразу видѣлъ степень точности наблюденій каждаго судна.

Продуктивность этой работы не замедлила сказаться въ результатахъ второй боевой стрѣльбы, ко-

торая была произведена въ океанѣ въ серединѣ апрѣля.

Кромѣ наблюденій флагманскаго артиллериста, слѣдившаго за ходомъ стрѣльбы съ палубы „Свири", три совершенно уничтоженныхъ и одинъ подбитый щитъ, сами свидѣтельствовали объ успѣшности этой второй стрѣльбы.

И весьма вѣроятно, что корабли третьей эскадры могли стрѣлять въ бою лучше второй, не имѣвшей, по словамъ ея офицеровъ, такой практики въ стрѣльбѣ на большія дистанціи.

А что же мы видимъ у нашихъ враговъ, а затѣмъ и побѣдителей—японцевъ!

Покончивъ съ Артуромъ, уничтоживъ всю его эскадру, они самымъ дѣятельнымъ образомъ начали готовиться къ встрѣчѣ и истребленію второй нашей эскадры, пользуясь замедленіемъ ея прихода. Дѣятельность ихъ хорошо и рельефно характеризуется словами одного изъ японскихъ командировъ, который раньше довольно долго плавалъ на судахъ нашего флота и хорошо знакомъ съ порядками, строемъ жизни и организаціей службы русскаго флота.

„Мы, говорилъ онъ послѣ боя русскимъ офицерамъ, „конечно не могли ожидать такой полной побѣды, такого быстраго и окончательнаго уничтоженія вашей эскадры, но въ успѣхѣ своемъ мы все же не сомнѣвались.

Сравните, что дѣлали вы и какъ готовились къ встрѣчѣ съ вами мы.

Вы вышли наскоро достроенные и снабженные, дѣлали огромные и трудные океанскіе переходы, пока не достигли Мадагаскара.

Только тамъ началось фактическое обученіе экипажей вашей эскадры.

Я не берусь судить о томъ, какъ велось обученіе именно на второй эскадрѣ, но вѣдь я хорошо знакомъ съ постановкой этого дѣла на русскихъ корабляхъ, на которыхъ я плавалъ.

Я читалъ и слышалъ разсказы о вашихъ прежнихъ командирахъ и адмиралахъ, которые были знатоками и фанатиками морскаго и главнымъ образомъ паруснаго дѣла.

Въ вашихъ каютъ-кампаніяхъ я нерѣдко слышалъ громкія слова и упоминанія именъ Нахимова, Корнилова, Бутакова.

Но современные ваши моряки, насколько я могъ судить, далеко не похожи на всѣхъ этихъ выдающихся людей.

Пресловутый-ли вашъ цензъ тому виной, или что-либо другое, но только рѣдко въ комъ изъ своихъ русскихъ соплавателей замѣчалъ я искреннюю любовь къ морю и морскому дѣлу, желаніе работать, продолжать свое образованіе.

И особенная лѣность, распущенность и халатность къ службѣ проявлялась среди молодежи, по большей части предававшейся кутежамъ, а не работѣ.

Былъ у васъ рѣдкій выдающійся человѣкъ Макаровъ, но развѣ цѣнили его у васъ! Многіе-ли изъ вашихъ офицеровъ были знакомы съ его произведеніями, съ тѣми принципами морской войны, которымъ онъ училъ? Нѣтъ.

А у насъ его книги переведены на японскій языкъ, его тактика изучалась и по его же тактикѣ мы васъ и разбивали.

Возьмемъ вашихъ командировъ! Многіе-ли изъ нихъ во время ученій по боевому росписанію сами руководятъ дѣломъ и обходя свой корабль, знакомятся съ его дѣйствительной боевой готовностью, съ его недочетами и повѣряютъ знанія офицеровъ и нижнихъ чиновъ?

Нѣтъ. А почему? Да потому, что, во-первыхъ, ваши командиры зачастую уже старые больные люди, выплавывающіе свой цензъ и мечтающіе о немедленной по окончаніи его отставкѣ, а во-вторыхъ всѣ вы, господа русскіе, большіе баре и сибариты.

А кромѣ того, такъ какъ у васъ до сихъ поръ для полученія командованія требовалось лишь выполненіе извѣстнаго плавательнаго ценза, то на отвѣтственныхъ мѣстахъ нерѣдко оказывались люди несоотвѣтствующіе и вы это сами доказали во время войны цѣлымъ рядомъ перемѣнъ въ командномъ составѣ вашей артурской эскадры.

У насъ же на это дѣло смотрятъ иначе. Разъ, что офицеръ не заявилъ себя знаніями, опытностью и дру-

гими достоинствами, ходу по службѣ имѣть онъ не будетъ и поневолѣ очиститъ мѣсто для людей, болѣе его способныхъ и дѣльныхъ.

И въ противоположность вамъ, адмиралъ Того какъ началъ войну, такъ ее блестяще и закончилъ, причемъ никого изъ помощниковъ его смѣнять по неспособности не пришлось, что доказываетъ полную умѣстность стоящихъ при дѣлѣ людей.

Что же касается этого несчастнаго для васъ Тсу-Симскаго боя, то не говоря уже о невыгодномъ строѣ, въ которомъ вы его начали и непонятной окраскѣ вашихъ судовъ, вѣдь въ то же самое время, какъ вы поражали міръ своими океанскими переходами цѣлой эскадрой, мы неустанно готовились къ борьбѣ съ ней.

Вотъ вы сами говорите, что совсѣмъ не стрѣляли, а мы израсходовали за это время по пяти боевыхъ комплектовъ снарядовъ, а затѣмъ еще успѣли, гдѣ надо, поставить новыя пушки, наводчики же наши великолѣпно набили себѣ глазъ, что и доказали во время боя...“

Горько, невыносимо горько было слышать русскимъ офицерамъ все это изъ устъ японца и тѣмъ болѣе, что сказанное г. Н—о, было справедливо—невыгодный строй явился слѣдствіемъ недостаточной практики, а черная окраска назначалась для скрытія отъ минныхъ атакъ ночью....

Уклонившись опять отъ своего разсказа, я не могу не упомянуть здѣсь о желательности крайне полезной мѣры, могущей обезпечить нашъ флотъ хорошими наводчиками.

Еще въ бытность слушателемъ артиллерійскаго офицерскаго класса, я читалъ отчетъ командовавшаго въ лѣто 1898 года артиллерійскимъ отрядомъ.

Въ отчетѣ своемъ адмиралъ указывалъ на то, что вѣрный глазъ, быстрая оцѣнка обстоятельствъ и мѣткая стрѣльба есть далеко не всѣмъ людямъ присущая способность. А потому необходимо для обладанія постояннымъ кадромъ отличныхъ стрѣлковъ-наводчиковъ, выдѣлять и привлекать къ дальнѣйшей многолѣтней службѣ комендоровъ, зарекомендовавшихъ себя выдающимися стрѣлками.

Денежныя затраты, вызванныя этой мѣрой, сторицей окупается пользой, которую принесутъ въ будущемъ бою хорошіе комендоры. . . . . .

Спокойно и невозмутимо шелъ нашъ отрядъ по глади точно заснувшаго океана и лишь жара, невыносимая жара тропиковъ мучила насъ немилосердно.

Но вотъ утромъ 11-го или 12-го апрѣля адмиралъ вдругъ застопорилъ машину и потребовалъ къ себѣ всѣхъ командировъ.

Часа черезъ полтора командиры вернулись на свои суда и отрядъ двинулся дальше, а немного позже Миклуха собралъ у себя офицеровъ и сообщилъ намъ слѣдующее:

На только что состоявшемся совѣтѣ адмиралъ сообщилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, японцы по всему Зондскому архипелагу имѣютъ наблюдательные посты и что въ проливахъ возможно присутствіе японскихъ миноносцевъ и даже подводныхъ лодокъ.

А такъ какъ все равно пройти намъ надо, то адмиралъ и рѣшилъ идти кратчайшимъ путемъ, то-есть черезъ Малакскій проливъ.

И вотъ, взявши курсъ на сѣверную оконечность Суматры, мы находились утромъ 14-го апрѣля миляхъ въ полутораста отъ ея западнаго берега, гдѣ и было рѣшено погрузить уголь. Погода выдалась на рѣдкость—полный штиль и отсутствіе зыби.

Вообще надо сказать, что плаваніе отряда шло до такой степени гладко и удачно, что мы совершенно серьезно начали вѣрить въ „небогатовское счастье“.

И на этотъ разъ съ ранняго утра къ каждому изъ кораблей подошли транспорты, ошвартовились бортъ о бортъ—и обычная угольная страда закипѣла.

Принимать намъ пришлось свыше 300 тоннъ угля и затянувшаяся погрузка закончилась лишь около часу ночи.

15 числа корабли, не успѣвшіе догрузиться углемъ, продолжали пріемку, а остальные занялись пополненіемъ съ транспортовъ своихъ боевыхъ запасовъ, а также принимали консервы, расходъ которыхъ въ морѣ былъ весьма великъ.

Весь день 16-го апрѣля былъ данъ на капитальную чистку и приборку судна и на мытье людей.

Послѣ долгаго тропическаго плаванія и постоянныхъ работъ по перетаскиванію угля изъ одного помѣщенія въ другое, всѣ ощущали настоятельную потребность отмыть въѣвшуюся въ тѣло угольную грязь.

Ровно въ полночь въ судовой церкви была отслужена торжественная заутреня.

И радостное чувство, всегда сопутствующее этой пасхальной службѣ, на этотъ разъ невольно смѣшалось съ острымъ ощущеніемъ тоски отъ сознанія своей оторванности отъ всего родного и заброшенности среди пустыни океана.

Насколько позволили обстоятельства въ каютъ-компаніи послѣ заутрени все же было устроено кое-какое скудное розговѣнье.

На другой день были спущены катера и каютъ-компаніи обмѣнивались между собой визитами и поздравленіями. А 18-го апрѣля началось усиленное движеніе впередъ.

Съ разсвѣтомъ разбросанные корабли подтянулись въ колонну, транспорты заняли свои мѣста и ровно въ 8 часовъ утра съ подъемомъ флага данъ былъ ходъ машинамъ — мы тронулись къ выходу изъ Индійскаго океана, столь милостиво относившагося къ намъ за весь долгій переходъ.

Еще съ самаго выхода изъ Либавы на „Ушаковѣ", какъ и на прочихъ судахъ отряда былъ заведенъ порядокъ ежедневнаго полнаго изготовленія судна къ отраженію ночныхъ минныхъ атакъ.

И гдѣ бы мы не находились, у береговъ-ли, или же среди океанскаго простора, все равно за полчаса до захода солнца билась неизбѣжная „дробь-атака", всѣ переборки задраивались, башни поворачивались на траверзы, а остальныя пушки ставились въ должныхъ направленіяхъ, при чемъ одинъ бортъ бывалъ дежурнымъ.

Теперь же съ приближеніемъ къ могущему, оказаться опаснымъ, Малакскому проливу, всѣ предосторожности были усилены и ни одинъ огонекъ, ни одинъ забытый иллюминаторъ не выдавалъ даже на близкомъ разстояніи мѣрно движущейся во тьмѣ длинной линіи броненосцевъ и транспортовъ.

Около полночи мы проходили мимо Пуловея. Ночь

была захватывающая по своей красотѣ, тихая, темная, а съ неба, засыпаннаго міріадами звѣздъ, сверкалъ чуждый намъ Южный крестъ.

Справа мелькали огоньки маяковъ и то появлялись, то снова исчезали еле примѣтныя свѣтлыя точки береговыхъ огней... И вдругъ съ берега пахнуло сильнымъ ароматомъ цвѣтовъ и какихъ-то пряныхъ, пряныхъ растеній...

Слабый вѣтерокъ порывомъ донесъ до насъ этотъ одуряющій ароматъ и скоро пронесъ его дальше, но помню, долго стоялъ я словно очарованный и обыкновенно тяжелая вахта „собачка“ на этотъ разъ не доставляла ничего, кромѣ наслажденія.

Около трехъ часовъ изъ-за Пуловея показался какой-то большой, ярко по всему борту освѣщенный, пароходъ. Онъ легъ съ нами однимъ курсомъ, скоро насъ обогналъ, затѣмъ какъ-то странно, въ одинъ мигъ исчезли всѣ его яркіе огни и когда черезъ часъ разсвѣло, то его и слѣда не оказалось.

Плаваніе Малакскимъ проливомъ было очень интересно, благодаря живописнымъ его берегамъ. Сначала, проливъ очень широкъ, но постепенно съуживается, такъ что путь лежитъ среди обоихъ, хорошо видимыхъ зеленыхъ береговъ.

Особенно красивъ лѣвый берегъ Малакки, весь покрытый густыми чащами пальмъ и другихъ тропическихъ растеній, доходящихъ мѣстами до самой воды. Послѣ цѣлаго мѣсяца пребыванія въ открытомъ океанѣ, картины зеленыхъ зарослей въ высшей степени пріятно ласкали глазъ.

Ночью на 20 апрѣля насъ застигла страшной силы тропическая гроза, которой разразилась, наконецъ, масса тучъ, каждый вечеръ, собиравшихся съ заходомъ солнца на горизонтѣ и расходившихся къ разсвѣту, не смотря на прорѣзывающія ихъ по ночамъ гигантскія молніи. Но въ эту ночь небо не поскупилось и окатило насъ такимъ ливнемъ, что всѣ наши кильватерные огни моментально скрылись изъ глазъ и мы другъ друга чуть не растеряли.

А эти задніе кильватерные огни помѣщались въ коробкахъ съ такой узкой прорѣзью, что стоило впереди идущему судну рыскнуть въ сторону на 30° отъ

курса, какъ огни его тотчасъ же скрывались отъ идущаго сзади.

И много непріятныхъ минутъ пришлось изъ-за этого вынести вахтеннымъ начальникамъ „Ушакова“, такъ какъ на идущемъ впереди броненосцѣ управленіе во время похода было неудовлетворительное и покойный Миклуха постоянно сражался съ „тамошней публикой“, разнося ее при помощи своего излюбленнаго мегафона (огромный рупоръ).

Три дня шли мы Малакскимъ проливомъ и въ ночь на 21 апрѣля должны были миновать наиболѣе интересное и важное мѣсто, а именно проскочить мимо Сингапура.

Какъ сейчасъ помню я этотъ нашъ, полный интереса и оригинальности прорывъ.

Ночь была хотя и звѣздная, но очень теплая, вѣтеръ дулъ прямо въ лицо.

Во второмъ часу ночи одинъ за другимъ стали открываться огоньки пригорода Сингапура и пока лишь яркое свѣтлое зарево показывало мѣсто еще невиднаго освѣщеннаго города.

Корабли подтянулись ближе другъ къ другу, данъ былъ одиннадцати-узловой ходъ и въ абсолютной темнотѣ, съ потушенными верхними кильватерными огнями, руководствуясь лишь еле примѣтными нижними, безшумно скользили по черной глади воды черные силуэты кораблей, оставляя лишь змѣившійся за кормой фосфорическій слѣдъ.

Но вотъ обогнули поворотный баканъ и слѣва показался весь блистающій, залитый яркими огнями Сингапуръ, а съ обоихъ сторонъ мигали огоньки стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

Если бы въ это время, кто-нибудь освѣтилъ насъ лучемъ прожектора, то, вѣроятно, получилась бы чрезвычайно эфектная картина четырехъ черныхъ броненосцевъ („Мономахъ“ шелъ въ это время позади линіи транспортовъ), идущихъ въ полной боевой готовности, съ длинными, торчащими за бортами пушками, повернутыхъ на траверзы башенъ.

Насъ было такъ плохо видно на самомъ близкомъ разстояніи, что одна большая джонка съ огромнымъ чернѣющимъ парусомъ промелькнула у самаго нашего

борта и кажется чуть не послужила причиной повторенія Гулльскаго инцидента въ Сингапурскихъ водахъ.

По крайней мѣрѣ я слышалъ, что на одномъ изъ кораблей по ней сдѣланъ былъ выстрѣлъ и лишь счастливая осѣчка спасла на этотъ разъ отъ новаго „инцидента".

Но никто насъ не освѣтилъ и мы безпрепятственно продолжали свой путь въ полной готовности натолкнуться на всякій неожиданный сюрпризъ со стороны японцевъ, тотчасъ же по выходѣ изъ безопасныхъ территоріальныхъ водъ пролива.

Часовъ около семи утра къ отряду приблизился маленькій колоніальный голландскій крейсерокъ и ставъ на правомъ траверзѣ „Николая", пошелъ рядомъ съ нами.

Вскорѣ послѣ подъема флага адмиралъ сигналомъ приказалъ „произвести ученіе—изготовленіе корабля къ бою" и въ это же самое время слѣва, т. е. къ сѣверу отъ нашего курса показались дымки, а затѣмъ три другъ за другомъ идущихъ рангоута.

Мы, конечно, тотчасъ же рѣшили, что это поджидающіе насъ японцы, а черезъ пять минутъ вполнѣ изготовились къ бою вплоть до раздачи индивидуальныхъ перевязочныхъ пакетовъ.

Помню, какое хорошее и бодрое настроеніе было тогда какъ у офицеровъ, такъ и у команды.

Нечего и говорить, что всѣ наличныя трубы и бинокли были направлены на приближающіеся корабли и скоро въ дальномѣръ, дающій большое увеличеніе, былъ разобранъ силуэтъ большого трехтрубнаго крейсера, идущаго впереди.

Разстояніе въ этотъ моментъ до него было около 10 миль и состояніе напряженнаго ожиданія царило на всемъ отрядѣ.

Но вотъ мы сближаемся и оказывается, что предполагаемые враги идутъ не на насъ, а держатъ въ Сингапуръ. Затѣмъ становится видно, что флагъ на крейсерѣ не японскій а итальянскій, а слѣдующія за нимъ суда не военныя, а просто огромный рангоутный пароходъ „Messageri Maritime", а позади него обыкновенный купецъ.

Итакъ наша первая тревога оказалась ложной, былъ пробитъ отбой и на броненосцѣ все приняло свой обычный видъ, но помнится, что на всѣхъ лицахъ въ это время было написано выраженіе какого-то разочарованія.

Голландскій крейсерокъ, постепенно отставая и видимо производя поочередно снимки нашихъ кораблей, около полудня повернулъ обратно, мы же продолжали идти своимъ прежнимъ курсомъ.

Около часу дня, когда всѣ берега давно уже скрылись изъ виду, вдругъ раздались звонки машиннаго телеграфа и ходъ сразу былъ застопоренъ.

Я въ это время недавно смѣнился съ вахты и сидѣлъ за обѣдомъ въ каютъ-компаніи. Подобныя остановки, не разъ случавшіяся въ пути, ни у кого не вызывали особаго любопытства, но восклицаніе выглянувшаго въ иллюминаторъ вѣстового, что къ эскадрѣ приближается пароходъ, заинтересовало меня и побудило пойти на мостикъ.

Оказалось, что всѣ суда стоятъ неподвижно и къ борту „Николая“ дѣйствительно подходилъ маленькій пароходикъ, вѣрнѣе даже катеръ. Видно было, что изъ него кто-то вылѣзъ на палубу „Николая“, потомъ туда подали нѣсколько тюковъ, а черезъ полчаса катеръ отошелъ и скоро скрылся изъ глазъ.

Тогда адмиралъ далъ ходъ, а за нимъ тронулся впередъ и весь отрядъ.

Нѣтъ надобности говорить, до какой степени были всѣ мы заинтересованы встрѣчей съ этимъ таинственнымъ суденышкомъ.

Черезъ полчаса сигналами и семафоромъ было сообщено, что такіе-то и такіе-то офицеры отряда произведены въ слѣдующіе чины, изъ чего и было заключено, что доставлена почта и телеграммы.

Вотъ здѣсь я опять упомяну о „небогатовской удачѣ“, сопутствовавшей ему все время плаванія.

Разсчитывая на рандеву съ бывшей въ Батавіи „Костромой“, Небогатовъ совершенно не думалъ о возможности встрѣчи съ катеромъ и для него она явилась повидимому неожиданностью. Однимъ изъ агентовъ катеръ этотъ былъ высланъ въ море намъ на встрѣчу и ждалъ нашего прохода уже два дня.

Но вѣдь стоило адмиралу измѣнить курсъ къ сѣверу на часъ раньше—и катеръ, еле примѣтный въ двухъ миляхъ разстоянія, такъ и остался бы незамѣченнымъ. А извѣстія, доставленныя пароходикомъ оказались чрезвычайной важности.

II.

Соединеніе эскадръ.

23 апрѣля въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, когда на всѣхъ судахъ молебны подходили къ концу, на „Николаѣ“ вдругъ взвился сигналъ:

„26 числа предполагаю стать на якорь въ такой-то широтѣ и долготѣ, гдѣ соединюсь со второй Тихоокеанской эскадрой“. Кратко, но въ то-же время какъ много для насъ было сказано въ этомъ адмиральскомъ сигналѣ!

Трудно представить себѣ ту радость, которая охватила всѣхъ и каждаго при этомъ извѣстіи.

Такъ вотъ она, наконецъ, цѣль нашего похода быстраго, энергичнаго, но въ то-же время отличавшагося полной неопредѣленностью. Вѣдь самъ по себѣ нашъ отрядъ былъ настолько слабъ, что весьма немного силъ надо было удѣлить японцамъ для нашего истребленія. А такъ какъ мы, не взирая ни на что, шли все-же во Владивостокъ и повидимому ничего не знали объ эскадрѣ Вице-Адмирала Рожественскаго, то и могли предполагать всякія случайности.

А вотъ теперь оказывается, что скоро, всего лишь черезъ три дня мы соединимся съ нашей эскадрой, рисовавшейся воображенію чѣмъ-то сильнымъ, грандіознымъ, несокрушимымъ.

И эту эскадру, эту силу мы увеличимъ еще своими хорошими 10 пушками, сольемся съ ней и пойдемъ вмѣстѣ на вѣрную побѣду...

Какъ радостно прошелъ въ этотъ день обѣдъ въ каютъ-компаніи, какъ шумно встрѣчались полные надеждъ тосты и увы, какъ близко было разочарованіе

ужасное, горькое! Не могу не упомянуть о памятномъ для всѣхъ „ушаковцевъ“ разговорѣ, происходившемъ въ этотъ день за обѣдомъ.

Адмиралъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ родившійся въ 1745 г., происходилъ отъ рода Косожскаго князя Редеди и долженъ быть причисленъ къ знаменитѣйшимъ флотоводцамъ. Онъ многократно отличался по службѣ и въ бояхъ, причемъ много разъ самъ командовалъ эскадрами.

Его побѣды въ Черномъ Морѣ обезпечили преимущество Россіи надъ Турціей, но, по измѣнчивости политики, впослѣдствіи онъ же защищалъ ее и дѣйствовалъ противъ французовъ, въ Средиземномъ морѣ, причемъ овладѣлъ многими городами въ томъ числѣ крѣпостью Корфу, за что былъ пожалованъ въ Адмиралы.

Въ 1807 Ѳ. Ѳ. по болѣзни былъ уволенъ отъ службы всего 62 лѣтъ отъ роду.

Каютъ компанейская молодежъ въ послѣднее плаваніе броненосца вѣрила, что лицо на портретѣ мѣняется въ зависимости отъ обстоятельствъ и зачастую спрашивала; какъ пойдутъ наши дѣла, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

Офицеръ видѣвшій послѣднимъ портретъ въ полуразрушенной каютъ компаніи утверждаетъ, что лицо Адмирала было хотя грустное, но довольное.

Такимъ образомъ духъ адмирала, какъ бы напутствовалъ броненосецъ своего имени въ часъ его славной гибели

По случаю праздника командиръ обѣдалъ у насъ и былъ крайне веселъ и разговорчивъ. На стѣнѣ каютъ-кампаніи висѣлъ прекрасный портретъ адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова, подаренный броненосцу однимъ изъ потомковъ славнаго адмирала.

Миклуха, бывшій очень начитаннымъ человѣкомъ съ богатой памятью, нерѣдко, являлся весьма интереснымъ собесѣдникомъ. На этотъ разъ онъ вспомнилъ и разсказалъ намъ нѣкоторые случаи изъ жизни доблестнаго старика и указывая на портретъ, высказалъ свою полную увѣренность, что и корабль его при встрѣчѣ съ врагомъ останется достойнымъ своего славнаго имени. И глядя тогда на Миклуху, взволнованнаго и одушевленнаго, можно было съ увѣренностью сказать, что это человѣкъ идеи, командиръ, за которымъ смѣло пойдутъ въ бой всѣ его подчиненные и что этотъ бой можетъ оказаться несчастнымъ, но во всякомъ случаѣ будетъ славнымъ.

И Миклуха доказалъ это черезъ три недѣли, съ честью выйдя изъ труднаго положенія и поплатившись жизнью, навсегда сохранилъ во флотѣ свое честное имя.

Усиливъ до послѣдней крайности предосторожности по ночамъ, утромъ 26 апрѣля приближались мы къ условному мѣсту встрѣчи эскадръ.

Трепетно бились всѣ сердца, команда съ ранняго утра не отходила отъ борта, офицеры и сигнальщики съ лучшими трубами и биноклями сидѣли на марсѣ.

Но не было видно ни бухты, ни судовъ. Никто противъ ожиданія не встрѣтилъ насъ у этихъ незнакомыхъ береговъ, а между тѣмъ минувшей ночью аппаратъ нашего безпроволочнаго телеграфа принималъ и печаталъ позывные „Жемчуга“ и „Изумруда“, такъ что очевидно наши развѣдчики были гдѣ-то по близости.

Повидимому адмиралъ нашъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Дѣйствительно, мы пришли въ условленную широту и долготу, приблизились къ совершенно неизвѣстному берегу, изрѣзанному глубоко вдающимися и извилистыми бухтами и понятно, что идти въ одну изъ этихъ бухтъ, не имѣя ни развѣдчиковъ, ни миноносцевъ, а напротивъ ведя

съ собой транспорты, было весьма рискованно, а потому отрядъ и остался ждать въ морѣ. Но вотъ около полдня начали получаться телеграфомъ какіе-то знаки, отрывочные слоги, а затѣмъ и слова.

„Мономаху“, обладавшему наиболѣе высоко помѣщеннымъ тэлеграфнымъ пріемникомъ, было приказано вызывать „Суворова“ и дѣлать въ то-же время свои позывные.

Черезъ нѣсколько минутъ получилась депеша „Владиміру Мономаху“ исполнять приказанія „Суворова“.

„Мономахъ“ показалъ свое мѣсто, а съ невидимаго „Суворова“ былъ данъ курсъ, согласно которому отрядъ и тронулся на встрѣчу эскадрѣ.

Теперь, съ уменьшеніемъ разстоянія, телеграфные переговоры принимались уже всѣми станціями и велись непрерывно. Около 3 часовъ дня впереди нашего курса показался дымъ, затѣмъ начали вырисовываться рангоуты и трубы, обозначился хорошо примѣтный желтый цвѣтъ послѣднихъ и черная окраса корпусовъ броненосцевъ — и передъ нами во всей красѣ явилась давно жданная, желанная вторая Тихоокенская эскадра.

Трудно словами выразить и передать то чувство восторга, которое я, да вѣроятно и многіе другіе, испытывали въ это время.

Болѣе свѣтлаго, радостнаго и торжественнаго момента, я положительно не помню.

Видъ эскадры, застопорившей машины и поджидающій нашего приближенія, былъ величественный, грозно-красивый...

Блестящій видъ судовъ, ихъ подтянутая внѣшность, прекрасное равненіе — все это свидѣтельствовало о массѣ—сильной, сплоченной, объединенной.

Но увы, все это было лишь наружно, на дѣлѣ-же, какъ это скоро оказалось, было много недочетовъ.

Эскадра имѣла видъ приготовившейся къ парадному смотру, а глядя на старыхъ ветерановъ въ родѣ „Наварина“ и „Нахимова“, и на такіе крейсера, какъ „Аврора“ или „Алмазъ“, невольно вспоминались грозные силуэты ихъ японскихъ противниковъ.

Адмиралъ Рожественскій, обмѣнявшись съ Небо-

гатовымъ позывными и салютами, привѣтствовалъ насъ сигналомъ: „добро пожаловать“ и „поздравляю съ благополучнымъ приходомъ“.

Слѣдуя въ кильватеръ „Николаю“, подтянувшись елико возможно, обошли мы вокругъ всей эскадры и составили собой правую отъ начальника эскадры колонну.

Такъ произошло соединеніе второй и третьей эскадръ около бухты Ванъ-Фонгъ, 26-го апрѣля, 1905 года, въ 4 часа дня.

При нашемъ слѣдованіи музыка играла встрѣчу, команда на всѣхъ судахъ кричала „ура“ и энтузіазмъ при этомъ былъ не поддающійся описанію.

Но вотъ машины застопорены, корабли наши подравнялись и заняли свои мѣста.

На „Николаѣ“ тотчасъ-же былъ спущенъ паровой катеръ, на которомъ Небогатовъ отправился на „Суворовъ“ явиться начальнику эскадры, послѣ чего нашъ отрядъ фактически вступилъ въ составъ второй эскадры.

Подошедшіе транспорты, во главѣ которыхъ стоялъ „Алмазъ“, и крейсера скоро ушли въ Ванъ-Фонгскую бухту, а мы вмѣстѣ съ броненосцами, къ которымъ былъ причисленъ и „Нахимовъ“, всю ночь продержались въ морѣ, идя самымъ малымъ ходомъ.

На другое утро нашему отряду было приказано тоже идти въ бухту принимать уголь и прочіе запасы.

Не вдаваясь въ подробности стоянки въ Ванъ-Фонгѣ, скажу лишь, что къ вечеру 30-го апрѣля, всѣ погрузки и работы были закончены и съ разсвѣтомъ должно было начаться дальнѣйшее движеніе эскадръ.

Наши черныя трубы были перекрашены въ желтый цвѣтъ, и четыремъ нашимъ броненосцамъ, составившимъ подъ командой Небогатова третій броненосный отрядъ, поручена была охрана тыла эскадры, „Мономахъ“-же былъ присоединенъ къ крейсерамъ.

III.

Отъ Ванъ-Фонга до Тсу-Симы.

Рано утромъ 1 мая, при чудной тихой погодѣ, началась общая съемка съ якоря. Первыми—согласно диспозиціи—стали сниматься миноносцы и крейсера, а за ними и нашъ отрядъ.

Почти до 9 часовъ утра, шло построеніе огромной эскадры, расположившейся такимъ образомъ, что между двумя колоннами боевыхъ кораблей, помѣстились двѣ линіи транспортовъ, у девяти изъ которыхъ на буксирѣ шли миноносцы, ради сбереженія ихъ механизмовъ и запасовъ топлива.

Въ то время, когда мы выстраивались по выходѣ изъ Ванъ-Фонга, изъ сосѣдней бухты вышелъ и направился къ Сайгону большой, бѣлый французскій крейсеръ. Онъ отвозилъ своимъ властямъ, нетерпѣливо ожидаемое ими извѣстіе объ уходѣ нашей эскадры.

Покинувъ Индо-Китайскія воды, мы направились въ океанъ, въ обходъ Формозы, вблизи которой при большомъ протяженіи Формозскаго пролива, можно было ожидать энергичнаго дѣйствія японскихъ миноносцевъ.

Таковъ былъ порядокъ строя, въ которомъ наша эскадра совершала свое походное движеніе днемъ. Ночью-же этотъ порядокъ нѣсколько видоизмѣнялся выдѣленіемъ крейсеровъ въ стороны.

При эскадрѣ-же шли два буксирныхъ парохода „Свирь“ и „Русь“.

На разсвѣтѣ 6 мая, былъ задержанъ „Олегомъ“ и приведенъ къ эскадрѣ англійскій пароходъ, на которомъ, какъ говорили, подъ грузомъ керосина, было спрятано значительное количество артиллеріи для японцевъ.

Съ транспорта „Ливонія“, на этотъ пароходъ былъ данъ полный запасъ угля и онъ съ нашей командой, замѣнившей снятыхъ англичанъ, подъ начальствомъ одного изъ прапорщиковъ, былъ отправленъ въ обходъ Японіи во Владивостокъ.

До 11 мая, при тихой и ясной погодѣ, у насъ состоялось въ морѣ двѣ погрузки угля, водолей „Ме-

теоръ“ въ послѣдній разъ снабдилъ насъ водой и утромъ, 12-го мы разстались со своими транспортами, доведя ихъ въ густомъ туманѣ до подхода къ Шанхаю.

Далѣе они пошли, конвоируемые вспомогательными крейсерами, “Ріономъ“ и „Днѣпромъ“, которые потомъ должны были остаться въ океанѣ со спеціальнымъ назначеніемъ. Такое-же назначеніе получили и крейсера „Терекъ“ и „Кубань“, еще наканунѣ покинувшіе эскадру. Они должны были демонстрировать для отвлеченія непріятеля.

Такимъ образомъ при насъ теперь остались лишь три вооруженные транспорта: „Иртышъ“, „Анадырь“, „Камчатка“ и „Корея“—пароходъ, носившій коммерческій флагъ, причемъ на двухъ первыхъ былъ запасъ угля, что-то около 20 тысячъ тоннъ.

И все-же оставленіе при эскадрѣ даже и этихъ четырехъ транспортовъ принесло намъ значительный вредъ, какъ показалъ на дѣлѣ самый ходъ Тсу-Симскаго боя и конечные его результаты.

И присутствіе транспортовъ можно себѣ объяснить лишь тѣмъ передававшимся на эскадрѣ, якобы высказаннымъ адмираломъ, мнѣніи, что японцы ни въкакомъ случаѣ не рѣшатся вступить съ нашимъ флотомъ въ рѣшительный бой, а тогда при удачѣ прорыва транспорты очень пригодились бы для ремонта и пополненія запасовъ.

Съ нами еще остался вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, на которомъ былъ установленъ огромной силы безпроволочный телеграфъ, могущій вредить непріятельскимъ переговорамъ, но къ сожалѣнію, самъ часто бывшій неисправнымъ.

Въ день 14-го мая мощь этого телеграфа не была использована, равно какъ и быстрый ходъ, благодаря которому „Уралъ“ могъ-бы спастись. Очутившись-же въ центрѣ эскадреннаго боя и представляя изъ себя огромную цѣль, онъ скоро былъ поврежденъ японцами, оставленъ командой и своей гибелью не принесъ никакой пользы дѣлу.

Покинувъ у Шанхая транспортный отрядъ, эскадра наша легла на востокъ и медленно подвигалась впередъ.

Весь почти день 13 мая былъ посвященъ эскадрен-

нымъ эволюціямъ, которыя производились что такъ, и въ голову не могла придти мысль о возможности той катастрофы, которая ждала насъ всего черезъ сутки,

И надо отдать полную справедливость адмиралу Рожественскому, что всѣ эволюціи и перестроенія на его эскадрѣ дѣлалось прекрасно, и можно лишь пожалѣть, что въ важную минуту начала боя, маневрированіе эскадры не было такимъ, а это обстоятельство значительно испортило дѣло.

Согласно приказа начальника эскадры, съ утра 14 мая, мы должны были расцвѣтиться флагами и боевымъ салютомъ по врагу „искупить и кровью смыть горькій стыдъ родины", какъ гласилъ приказъ адмирала.

Но вмѣсто блестящаго подарка Государю и Родинѣ въ торжественный день коронаціи, вмѣсто громкой побѣды, о которой мы мечтали, къ вечеру 14 мая произошло истребленіе ядра нашего флота, а еще черезъ день настала гибель отсталыхъ и сдача четырехъ броненосцевъ.

IV.

Цу-Симскій бой 14 мая..

Еще 13 мая днемъ, а затѣмъ и всю ночь наши аппараты почти безпрерывно печатали длинныя ленты непонятныхъ намъ знаковъ.

Можно было думать, что насъ выслѣдили, что мы открыты и окружены непріятельскими развѣдчиками, которые другъ другу, а затѣмъ и главнымъ силамъ сообщали о насъ разныя свѣдѣнія. И какъ видно изъ отчета адмирала Того, онъ дѣйствительно зналъ каждое наше движеніе „какъ будто онъ видѣлъ насъ все время передъ своими глазами".

Такимъ образомъ и въ этомъ бою безпроволочный телеграфъ сослужилъ японцамъ неоцѣненную службу и я помню, какъ японскіе офицеры потомъ съ удивленіемъ спрашивали насъ, почему мы не мѣшали имъ телеграфировать.

Переговоры японцевъ столь-же безпрепятственно

продолжались и утромъ 14 мая, когда мы приближались къ Тсу-Симѣ и когда самъ Того съ главными силами стоялъ у Корейскаго берега и не могъ еще знать навѣрное въ какой изъ проливовъ направится наша эскадра, пока не получилъ (по отчету Того) телеграмму съ „Shinama Maru“: „непріятельская эскадра замѣчена въ пунктѣ № 203. Очевидно непріятель держитъ курсъ къ восточному фарватеру“.

Съ ранняго-же утра сквозь дымку легкаго тумана справа отъ эскадры былъ обнаруженъ крейсеръ, упорно державшійся нѣсколько позади нашего траверза. Это былъ первый вражескій корабль, походный. мы увидѣли — крейсеръ „Idzumi“.

Въ это время (5—7 ч.) нашъ строй былъ таковъ:

Около 9 утра, когда мы уже были въ строю кильватера, слѣва прошли на большомъ разстояніи и скрылись въ туманѣ японскіе крейсера, а за ними показались и тоже прошли впередъ четыре старыхъ корабля типа „Матсушима“. Несмотря на легкій туманъ, они ясно были видны и одно время дальномѣры показывали до нихъ 35 — 40 кабельтовыхъ.

И какъ намъ ни хотѣлось разрядить по нимъ свои, съ утра готовыя, пушки, но стрѣльбы адмиралъ не открывалъ, а лишь около 10 ч. утра былъ открытъ огонь по четыремъ легкимъ крейсерамъ (Нитака и т. п.), которые долго и упорно, очевидно слѣдя за нами, держались на траверзѣ съ лѣвой стороны.

Началомъ этой стрѣльбы послужилъ нечаянный выстрѣлъ съ „Орла“, но за нимъ лѣвыми бортами загремѣли остальные корабли и снаряды наши сразу стали ложиться очень хорошо.

На одномъ изъ крейсеровъ скоро между трубами блеснуло пламя взрыва — и всѣ они стремительно повернувъ влѣво, полнымъ ходомъ стали отходить и скоро скрылись изъ виду, своими выстрѣлами не нанеся намъ никакого вреда.

Эта небольшая перестрѣлка, длившаяся всего минутъ 10—15, замѣчательно воодушевляюще подѣйствовала какъ на офицеровъ, такъ и на команду и когда въ полдень мы вступали въ роковой Корейскій проливъ, настроеніе царило великолѣпное.

Почти два часа шли мы вполнѣ благополучно,

не видя непріятеля и лишь „Идзуми“ все время держался справа на большомъ разстояніи, да телеграфъ нашъ непрерывно воспринималъ знаки японскихъ депешъ.

Но вотъ въ 1 ч. 50 м. дня изъ тумана снова показались очертанія японскихъ броненосцевъ, которые шли намъ, какъ бы, на встрѣчу, затѣмъ описали петлю и легли на сближающійся съ нами курсъ.

Адмиралъ Рожественскій съ первымъ броненоснымъ отрядомъ („Суворовъ, „Бородино“, „Александръ III-й“ „Орелъ“) въ это время держался впереди остальной эскадры и кабельтовыхъ 6—8 правѣе ея.

Находясь на мостикѣ „Ушакова“ съ самаго утра 14 мая и до поздней ночи, то есть все время продолженія боя и минныхъ атакъ, я былъ свидѣтелемъ всѣхъ его моментовъ и видѣлъ всю его ужасную потрясающую картину.

Но описать буквально все, а главное утверждать, что все видѣнное и пережитое мною записано, этого я конечно не могу.

Вѣдь наблюдать приходилось среди свиста и грохота снарядовъ и кромѣ того все время надо было слѣдить за непріятелемъ и управлять огнемъ своихъ башенъ.

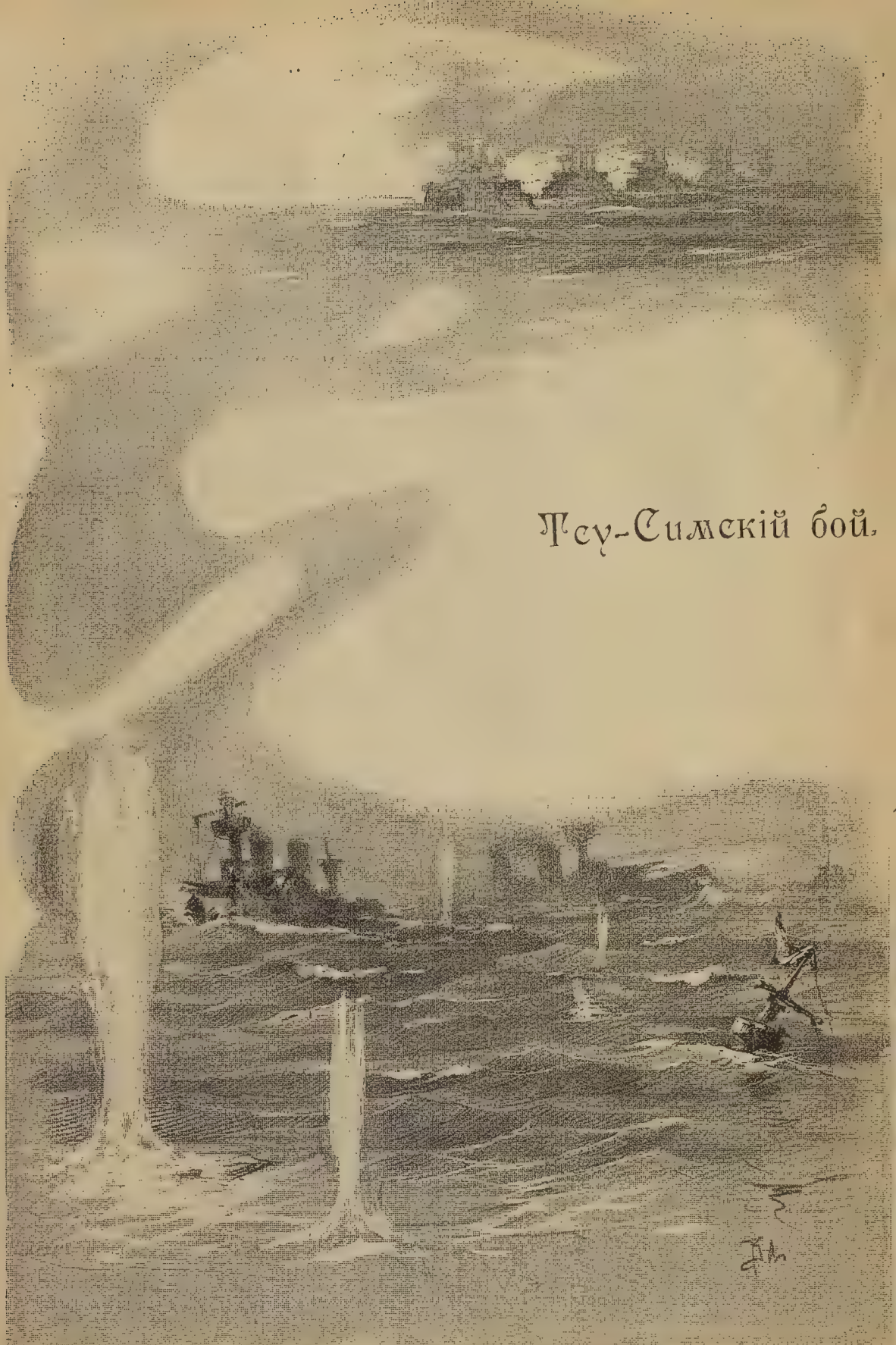
А затѣмъ такія грустныя картины, какъ гибель въ самомъ началѣ боя красавца „Ослябя“, пожаръ и разстрѣлъ японцами изнемогающаго „Суворова“, конецъ беззащитной „Камчатки“ и другія, сыпавшіяся на насъ бѣдствія, все это страшно удручающе дѣйствовало и повергало въ состояніе какого-то мрачнаго отупленія.

Но все-же повторяю, что записки эти прочитаны всѣми моими товарищами и многими офицерами другихъ судовъ и всѣ, вкравшіяся въ нихъ, неточности исправлены.

Бой начался въ 1 ч. 49 м. выстрѣломъ съ „Суворова“.

Того въ своемъ отчетѣ говоритъ „въ 2 ч. 8 м. русскіе открыли огонь, но японцы не отвѣчали, пока не приблизились на дистанцію въ 6000 метровъ“. Разница въ моментѣ, зависитъ отъ различія счета времени.

Незадолго до этого на „Суворовѣ“ былъ поднятъ



Тсу-Симскій бой.

сигналъ „первому броненосному отряду повернуть на 8R влѣво".

Броненосцы повернули и начали вступать въ свои мѣста впереди второго броненоснаго отряда.

Это былъ въ высшей степени важный моментъ боя и крайне интересно полное его выясненіе.

Дѣло въ томъ, что мнѣ пришлось слышать, будто поворачивая въ это время влѣво, адмиралъ намѣревался фронтомъ броситься на обгонявшаго его съ лѣвой стороны непріятеля и что только поврежденіе руля на „Суворовѣ", заставило его опять покатиться вправо, другіе-же корабли послѣдовали за нимъ и въ результатѣ получилась колонна общаго кильватера. Дѣйствительно, если бы въ это время четыре нашихъ сильнѣйшихъ броненосца устремились фронтомъ на колонну Того, то ходъ боя сразу измѣнился бы, тѣмъ болѣе, что какъ потомъ говорили японцы, „Миказа" въ это время сильно страдалъ отъ снарядовъ сразу пристрѣлявшагося „Ослябя".

Говорятъ даже будто Того сказалъ „однако если всѣ русскіе корабли будутъ такъ стрѣлять, то намъ придется плохо", но къ несчастью плохо пришлось именно намъ.

Позднѣе мнѣ говорили, что перестроеніе передъ боемъ было расчитано на то, чтобы спутать японцевъ, но это удалось только отчасти и „Миказа" былъ нѣкоторе время въ обстрѣлѣ многихъ нашихъ судовъ.

Но по той или другой причинѣ, въ важный моментъ начала боя, былъ произведенъ неудачный маневръ и все наше дѣло сразу оказалось испорченнымъ и вотъ почему.

Какъ видно на помѣщенной ниже схемѣ, японцы описали своими главными силами петлю и легли на сближащійся съ нами курсъ.

Въ этотъ-то промежутокъ времени и поворачивалъ влѣво напъ первый отрядъ броненосцевъ, а „Ослябя" продолжалъ оставаться головнымъ въ остальной колоннѣ судовъ и на него обрушился страшнѣйшій сосредоточенный огонь японцевъ.

Результатомъ этого огня было огромное разрушеніе лѣваго борта „Осляби", особенно носовой его части

и броненосецъ скоро сильно (10°—12°) накренялся на лѣвую сторону.

Японцы-же въ это время своими броненосцами обгоняли уже адмирала Рожественскаго, обстрѣливая его корабли и всю силу огня сосредоточивъ на „Суворовѣ".

„Ослябя" нѣкоторое время удерживался въ одномъ положеніи, видимо пытаясь справится со своими аваріями, а на всѣхъ головныхъ корабляхъ очень скоро начались пожары.

Огненныя короны обвивали гротъ мачты, повидимому, это горѣли кормовыя рубки, въ серединѣ-же кораблей загорались ростры, шлюпки, коечныя сѣтки.

Черезъ нѣсколько времени „Суворовъ" началъ поворачивать вправо и это движеніе мы объясняли себѣ желаніемъ оказать помощь нашимъ крейсерамъ и транспортамъ, которымъ трудно приходилось отъ натиска японскихъ крейсеровъ.

А Того въ своемъ отчетѣ объясняетъ этотъ моментъ словами: „авангардъ непріятеля, нажимаемый нашими главными силами, перемѣнилъ курсъ немного вправо. Мы сконцентрировали сильный огонь по передовымъ непріятельскимъ судамъ обѣихъ линій.

Этимъ непріятель былъ вынужденъ взять курсъ на Югъ, затѣмъ обѣ непріятельскія колонны взяли курсъ къ Осту и тутъ образовали одну неправильную линію. Они легли параллельно намъ. Броненосецъ „Ослябя", передовое судно лѣвой колонны скоро былъ поврежденъ. На немъ вспыхнулъ пожаръ и онъ вышелъ вправо изъ линіи баталіи".

Изъ этихъ словъ отчета японскаго адмирала, видно, что наша эскадра до сего времени представлялась японцамъ, не смотря на поворотъ влѣво перваго отряда, все-же идущей въ двухъ линіяхъ, въ остальномъ-же отчетъ Того во всемъ сходится съ тѣмъ, что я видѣлъ съ мостика „Ушакова". Итакъ, когда „Суворовъ" сталъ склоняться вправо, за нимъ послѣдовали и остальные корабли, а „Ослябя" въ это время какъ-то сразу вышелъ изъ строя вправо и круто повернулъ на обратный эскадрѣ курсъ, причемъ кренъ его сталъ быстро и замѣтно увеличиваться.

Стало очевидно, что борьба людей и переборокъ съ напоромъ наполняющій судно воды стала немы-

слимой и что несчастный броненосецъ гибнетъ. Въ эти печальныя минуты „Ушаковъ“, какъ разъ приближался къ мѣсту катастрофы и находился отъ тонущаго корабля въ 5—6 каб.

Гибель броненосца Ослябя.

Послѣднее время я находился на лѣвой сторонѣ мостика, съ которой велся бой, но послышавшійся испуганный и какой-то сдавленный возгласъ сигнальщика — Господи „Ослябя“ гибнетъ... заставилъ меня обернуться въ правую сторону.

Не дай Богъ никогда больше видѣть русскимъ морякамъ картинъ подобныхъ той, которая въ этотъ моментъ открылась моимъ глазамъ и была лишь первымъ изъ цѣлаго ряда ужасовъ этого дня.

„Ослябя“, оборотившись къ намъ носомъ, лежалъ совсѣмъ на лѣвомъ боку.

Обнаженная подводная часть праваго борта высилась какъ гора и на вершинѣ этой страшной горы кишѣлъ муравейникъ, людей столпившихся и съ отчаяніемъ ожидающихъ послѣдней минуты...

И она не заставила себя ждать—эта минута. „Ослябя“ вдругъ легъ окончательно, перевернулся, въ воздухѣ мелькнули винты, киль — и все было кончено.

Пучина чуждаго моря равнодушно приняла свою первую жертву и на ея сомкнувшей вновь поверхности лишь чернѣли плавающіе и тонущіе люди...

Къ мѣсту несчастья тотчасъ-же подошли наши миноносцы и легкіе крейсера и начали спасать утопающихъ.

Были спасены съ „Ослябя“, далеко не всѣ потому, что не считая людей, находившихся въ моментъ катастрофы внутри судна, и самое-то дѣло спасанія происходило подъ страшнымъ орудійнымъ огнемъ непріятеля, осыпавшаго снарядами наши несчастные миноносцы.

Бывшіе потомъ вмѣстѣ съ нами въ Никошимскомъ карантинѣ кондукторы съ „Осляби“ разсказывали о геройскомъ концѣ ихъ командира Бэра, который не захотѣлъ разстаться со своимъ броненосцемъ и оставшись въ боевой рубкѣ, вмѣстѣ съ нимъ пошелъ ко дну.

На „Ослябя“ до послѣдней минуты развѣвался контръ-адмиральскій флагъ. Но предполагая, что вмѣстѣ съ броненосцемъ гибнетъ и адмиралъ Фелькерзамъ, всѣ на эскадрѣ ошибались, такъ какъ потомъ оказалось, что бѣдный адмиралъ вступалъ въ Тсу-Симскій бой, уже лежа въ гробу.

Онъ скончался еще 12 мая отъ своей тяжелой болѣзни и никто кромѣ флагманскаго броненосца не зналъ на эскадрѣ, что въ моментъ начала боя слѣдующаго за начальникомъ эскадры флагмана уже нѣтъ въ живыхъ и что на „Ослябя“ развивается флагъ покойника.

Затрудняюсь въ порядкѣ и послѣдовательности изложить дальнѣйшій ходъ боя, т. к. все время былъ занятъ наблюденіемъ за появляющимся съ разныхъ сторонъ непріятелемъ и корректированіемъ своей стрѣльбы, что, притомъ, было дѣломъ очень нелегкимъ.

Вѣдь въ сущности большая часть нашего боя была проведена на циркуляціяхъ, если не эскадренныхъ, то частныхъ и на самыхъ различныхъ ходахъ.

„Ушакову“, бывшему концевымъ кораблемъ въ линіи броненосцевъ, постоянно приходилось мѣнять свой ходъ отъ полнаго до самаго малаго и даже стопа.

Частныя циркуляціи, о которыхъ я только что упомянулъ, происходили оттого, что набѣгая на

уменьшившаго свой ходъ передняго мателота, командиру приходилось выходить изъ строя въ ту или иную сторону, а затѣмъ увеличивать ходъ и снова вступать въ кильватеръ.

А при такомъ управленіи судномъ, при такомъ маневрированіи и почти непрерывной стрѣльбѣ, можно-ли было дать башеннымъ командирамъ точное разстояніе и вѣрную поправку, когда даже стоя на мостикѣ нельзя было предугадать куда въ послѣдующую минуту покатится судно и когда и безъ того плохо видимый противникъ, часто выходилъ изъ угла обстрѣла то одной, то другой башни!

Этого небылобы еслибы задніе корабли шли въ строѣ пеленга, какъ рекомендуется въ такомъ случаѣ и почему адмиралъ Небогатовъ этого не приказалъ, трудно объяснить.

Кромѣ того корректировать свою стрѣльбу по разрывамъ нашихъ снарядовъ снаряженныхъ пироксилиномъ или бездымнымъ порохомъ, почти невозможно, особенно на большихъ разстояніяхъ и въ массѣ стрѣляющихъ, когда не отличить паденія своего снаряда отъ чужого.

Совсѣмъ другой эффектъ получался при разрывахъ снарядовъ японскихъ, сопровождавшихся высокимъ и долго стоящимъ въ воздухѣ столбомъ брызгъ и водяной пыли, рѣзко окрашеннымъ въ желтый или бурый цвѣтъ.

Въ этомъ бою мнѣ на дѣлѣ пришлось убѣдиться въ томъ качествѣ японскихъ снарядовъ, о которомъ не разъ приходилось слышать за время войны, а именно, что эти снаряды рвутся очень легко, даже при ударѣ о воду.

И при этомъ, кромѣ крупныхъ кусковъ металла, они даютъ еще массу мелкихъ осколковъ, которыми буквально были испещрены наши трубы и которыхъ много собрали мы потомъ на мостикѣ и палубѣ.

При выдѣлкѣ снарядовъ на будущее время у насъ должно быть обращено самое серіозное вниманіе на окрашиваніе разрывовъ, а также на снарядныя трубки, которыя должны дѣйствовать безукоризненно, а въ эту войну, судя по словамъ японцевъ, онѣ были далеко не на высотѣ требованія.

На всѣхъ японскихъ корабляхъ, стоявшихъ въ Сасебо, я видѣлъ много пробоинъ и весьма возможно, что именно бездѣйствію трубокъ мы обязанны тѣмъ, что попаданія наши не причиняли на японскихъ судахъ тѣхъ разрушеній, которыя они наносили своими снарядами намъ.

Но тотъ нашъ 10 д. снарядъ, который какъ показывали намъ японцы на крейсерѣ „Ивате“, попалъ въ бою 15 мая, добросовѣстно сдѣлалъ свое дѣло: перебилъ много народу, и причинилъ огромныя разрушенія.

Важнѣйшіе моменты дальнѣйшаго боя 14 мая запечатлѣлись у меня въ памяти въ слѣдующей послѣдовательности.

Вскорѣ послѣ гибели „Ослябя“ (около 3 ч.) „Суворовъ“ на котораго обрушился весь огонь японцевъ, оказался внѣ строя, со сбитыми мачтами и поваленными трубами, весь окутанный густымъ чернымъ дымомъ огромнаго пожара.

Долго эскадра, имѣя теперь головнымъ „Александръ III“ не могла подойти для оказанія помощи и прикрытія несчастному броненосцу, не смотря на пожаръ, геройски отбивавшемуся отъ насѣдавшей на него и жестоко его разстрѣливавшей непріятельской эскадры.

Видимо „Александръ III“ самъ не могъ справиться со своими аваріями, т. к. онъ скоро вышелъ изъ строя въ лѣвую сторону и на борту его за неимѣніемъ фаловъ были выброшены флаги какого-то сигнала.

Какъ разъ въ это время „Ушаковъ“ проходилъ справа мимо накренившагося „Александра“ и мы сразу очутились въ сферѣ жестокаго огня, т. к. японцы, видя затруднительное положеніе „Александра“, сосредоточили по немъ огонь и всѣ ихъ недолеты ложились около насъ.

Въ это-то время мы сразу, одна за другой, получили двѣ значительныхъ пробоины въ носовой части праваго борта и на „Ушаковѣ“ явились первыя жертвы боя. Но объ этомъ я скажу ниже.

Не смотря на массу сыпавшихся вокругъ снарядовъ, наши сигнальщики пытались переговорить съ „Александромъ“ по семафору, но изъ этого ничего не

вышло, равно какъ нельзя было разобрать и выкинутыхъ за бортъ флаговъ.

Пропустивъ мимо себя всю эскадру „Александръ“ перешелъ за нашей кормой на правую отъ насъ сторону и сталъ держаться нѣсколько позади насъ и немного правѣе линіи кильватера (бой въ это время велся правымъ бортомъ) и шелъ такъ почти до шести часовъ вечера, несмотря на кренъ и пожаръ все время стрѣляя по японцамъ.

Около 5 часовъ вечера „Суворовъ“ въ ужасномъ видѣ, безъ трубъ, весь пылающій какъ костеръ, вдругъ далъ ходъ и сталъ довольно быстро приближаться къ эскадрѣ.

Это была страшная, душу раздирающая картина, которая навсегда останется въ памяти тѣхъ, кто ее видѣлъ.

Пожаръ внутри корабля былъ такъ силенъ, что борта страдальца-броненосца казались красными отъ вырывающагося сквозь разныя отверстія пламени.

Каково же было людямъ, находившимся на немъ и каково должно было быть мужество этихъ героевъ, которые находили возможнымъ управлять такимъ пожарищемъ и до послѣдней крайности отстрѣливаться.

Дальнѣйшую участь „Суворова“ пришлось уже узнать изъ японскихъ газетъ, горячо восхвалявшихъ его геройское поведеніе. Какъ видно изъ отчета адмирала Того, около 5 часовъ вечера на „Суворовъ“ была произведена цѣлая серія минныхъ атакъ.

Результатъ первой атаки былъ неопредѣленный, во время же второй атаки одна изъ минъ попала въ кормовую часть „Суворова“ и черезъ нѣсколько минутъ онъ получилъ кренъ въ 10°.

О точномъ часѣ гибели „Суворова“ не упоминается, но говорится, что уцѣлѣвшіе на немъ храбрецы до послѣдней минуты отстрѣливались изъ оставшейся маленькой пушки и даже изъ винтовокъ.

Ранѣе послѣ 5 часовъ къ борту „Суворова“ подошелъ миноносецъ „Буйный“, на который былъ спущенъ дважды раненый адмиралъ Рожественскій и перешли уцѣлѣвшіе чины его штаба.

Объ ужасномъ положеніи „Суворова“ въ это время

мнѣ разсказывалъ потомъ одинъ изъ кондукторовъ „Буйнаго“, встрѣченный мною въ Сасебо.

„Суворовъ“ какъ я уже говорилъ, далъ ходъ и приблизился къ несчастной беззащитной „Камчаткѣ“, одиноко стоявшей въ сторонѣ и гибнувшей въ это время подъ жестокимъ огнемъ японцевъ.

Она скоро и погибла, причемъ съ нея спаслось лишь 16 человѣкъ мастеровыхъ, да нѣсколько десятковъ матросъ.

Всѣ же до единаго офицера съ командиромъ во главѣ явились жертвами присутствія тихоходнаго транспорта въ центрѣ боя эскадръ.

Также погибъ и вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, бывшій огромный пассажирскій пароходъ, не годный для присутствія въ эскадренномъ бою, но взятый, вѣроятно, для предполагаемаго сношенія съ Владивостокомъ, а нѣсколько ранѣе былъ потопленъ небольшой буксирный пароходъ „Русь“, молодецки совершившій съ эскадрой весь путь вокругъ Африки.

Буксиръ „Свирь“ пришедшій въ составѣ Небогатовскаго отряда, все время боя съ беззавѣтной храбростью занимался дѣломъ спасанія погибающихъ людей, а затѣмъ вмѣстѣ со спасенными благополучно добрался до Шанхая.

Около 6 часовъ вечера „Александръ III“, шедшій сзади и нѣсколько правѣе „Ушакова“, вдругъ началъ крениться на правый бортъ, кренъ сильно увеличивался и скоро стало ясно, что море готовится поглотить еще одну жертву, еще одинъ изъ лучшихъ нашихъ броненосцевъ.

Какъ разъ въ это время шесть броненосныхъ крейсеровъ отряда Камимуры зашли намъ въ тылъ и открыли усиленный огонь по гибнущему “Александру III“.

Я сдѣлалъ попытку направить огонь своей кормовой башни на головной крейсеръ, но не смотря на максимальный уголъ возвышенія, наши снаряды не долетали до цѣли.

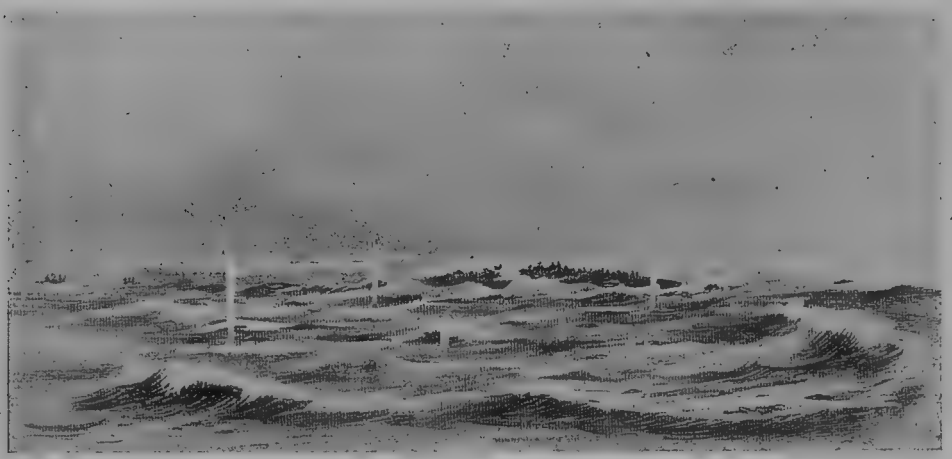
Прошло еще нѣсколько томительныхъ минутъ, „Александръ III“ легъ совсѣмъ на правый бортъ и

циркулируя влѣво, быстро покатился по направленію къ „Ушакову“.

Моментъ поистинѣ былъ ужасный. Погибающій великанъ, никѣмъ уже неуправляемый, силой работы праваго винта (лѣвый вертѣлся въ воздухѣ) быстро катился влѣво. Командиръ нашъ далъ самый полный ходъ и положилъ руль, чтобы уйти отъ столкновенія, но это оказалось лишнимъ, еще секунда—и броненосецъ перевернулся...

Катастрофа произошла такъ близко отъ нашего борта, въ бинокль такъ ясно и отчетливо были видны фигуры людей, что впечатлѣніе получилось ужасное.

Въ моментъ опрокидыванія корабля, массы людей бросались въ воду, нѣкоторые же, не успѣвъ этого сдѣлать по мѣрѣ переворачиванія судна, отступали къ килю.



Гибель броненосца Императоръ Александръ III.

И вдругъ случилось нѣчто поразительное. Броненосецъ, опрокинувшись не потонулъ, а остался плавать кверху дномъ и на этомъ чернѣвшемъ огромномъ днищѣ толпились люди, число которыхъ все увеличивалось, такъ какъ бывшіе въ водѣ, видя, что корабль продолжаетъ плавать, снова взбирались на его днище.

Особенно страшный видъ у опрокидывающагося „Александра III“ имѣли винты, еще вращавшіеся и вѣроятно немало людей перекрошившіе въ водѣ.

Одинъ изъ нашихъ легкихъ крейсеровъ по ини-

ціативѣ сигнальщика съ „Ушакова“ направленъ былъ на помощь командѣ „Александра III“, но ему не удалось принести пользу и кого-либо спасти, т. к. со стороны японскихъ крейсеровъ по немъ былъ открытъ такой убійственный огонь, что онъ поневолѣ долженъ былъ отойти.

А въ то же время видно было въ бинокль, какъ японскіе снаряды вырывали цѣлыя группы изъ толпы стоящихъ на днищѣ „Александра III“ людей, тщетно ожидавшихъ помощи.

Но и этимъ не окончились еще наши несчастія въ этотъ роковой день.

Шедшій теперь во главѣ эскадры броненосецъ „Бородино“, на которомъ былъ давно уже замѣтенъ пожаръ, около 8 часовъ вечера вѣроятно получилъ какое нибудь чрезвычайно опасное попаданіе, такъ какъ у него въ кормѣ раздался сильный взрывъ, послѣ чего корабль вышелъ влѣво изъ строя, быстро накренился, огромное пламя поднялось надъ нимъ и черезъ нѣсколько минутъ онъ скрылся подъ водою.

Помню, что эта новая потеря, совсѣмъ ошеломляюще подѣйствовала на меня, какъ вѣроятно и на всѣхъ, кто ее видѣлъ.

Стало до боли очевидно, что бой окончательно проигранъ и большое русское дѣло безповоротно потеряно.

Итакъ, къ вечеру, т. е. послѣ шести часовъ боя, все ядро нашей эскадры было уничтожено, вся сила и мощь ея уже не существовала.

Были потеряны почти со всѣмъ почти личнымъ составомъ броненосцы „Суворовъ“, „Бородино“, „Александръ III“, „Ослябя“, крейсеръ „Уралъ“, плавучая мауерская „Камчатка“ и во главѣ колонны шелъ теперь избитый, сильно разрушенный „Орелъ“.

Не менѣе подбитыми шли, великолѣпно дравшіеся цѣлый день старики „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и „Адмиралъ Нахимовъ“.

Ночью всѣ они сдѣлались жертвами минныхъ атакъ и что касается „Наварина“, такъ онъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, за исключеніемъ трехъ, какимъ то чудомъ спасшихся матросъ.

Еще днемъ у „Наварина“ были сильно разворо-

чены трубы и неоднократно возникали пожары, а у „Нахимова“ 12 д. снарядомъ была разрушена вся носовая часть.

И не надо забывать, что вмѣстѣ съ постепенной гибелью нашихъ лучшихъ боевыхъ кораблей, мы лишились какъ начальника эскадры съ его штабомъ, перешедшимъ на миноносецъ, такъ и слѣдующаго за нимъ адмирала Фелькерзама, котораго мы считали погибшимъ съ „Ослябей“.

Такимъ образомъ командованіе жалкими остатками разбитой эскадры перешло среди неудачнаго боя въ руки Небогатова, который только двѣ недѣли тому назадъ присоединился со своимъ отрядомъ ко второй эскадрѣ.

Въ шестомъ часу, когда адмиралъ Рожественскій пересѣлъ съ „Суворова“ на „Буйный“, на послѣднемъ былъ поднятъ сигналъ, сообщавшій, что раненый адмиралъ на миноносцѣ и, командованіе передаетъ адмиралу Небогатову.

Этотъ сигналъ былъ разобранъ у насъ и отрепетованъ на крейсерахъ адмирала Энквиста, но былъ ли онъ извѣстенъ на шедшемъ значительно впереди „Николаѣ“ не знаю, такъ какъ не видѣлъ, чтобы онъ тамъ репетовался.

Но какъ бы то ни было, а передъ вечеромъ на „Николаѣ“ былъ поднятъ сигналъ „Курсъ NO 23°, слѣдовать за мной“.

Шедшій головнымъ „Орелъ“ уменьшилъ ходъ, пропустилъ впередъ „Николая“ и затѣмъ вступилъ ему въ кильватеръ.

Въ это время уже стемнѣло, артиллерійскій бой понемногу началъ стихать, но зато съ наступленіемъ сумерекъ по всему горизонту, точно изъ подъ воды вынырнули многочисленные отряды миноносцевъ.

Трудно теперь выразить и передать то тяжелое, удручающее чувство, которое охватило людей, измученныхъ какъ физически долгимъ непрерывнымъ боемъ, такъ и нравственно цѣлымъ рядомъ обрушившихся несчастій, когда появились эти морскіе хищники.

Широкимъ кольцомъ охватили они наши подбитые корабли и постепенно это кольцо сжималось и сжи-

малось, пока въ началѣ девятаго часа, миноносцы не бросились всей своей массой въ атаку.

Одно лишь могу сказать, что состояніе было прескверное и чтобы понять его, надо переиспытать все то, что выпало на нашу долю въ этотъ несчастный день.

Мы всѣ думали и надѣялись еще утромъ, что торжественный день коронаціи 14 мая отнынѣ будетъ праздноваться вмѣстѣ съ годовщиной Тсу-Симской побѣды, на дѣлѣ же оказалось, что долго-долго этотъ день будетъ днемъ глубокаго траура для русскаго флота и для всей Россіи.

И пусть бы было одно пораженіе, одинъ погромъ! Какъ ни тяжелъ онъ, но послѣ него поправиться можно, но нѣкоторыхъ событій 15 мая, ни чѣмъ уже не свести со страницъ исторіи флота и много-много лѣтъ русскіе корабли въ водахъ Дальняго Востока будутъ встрѣчаться со своими былыми товарищами, какъ съ живымъ укоромъ памяти не ко времени гуманнаго начальства.

Послѣдняя ночь.

Одинъ за другимъ приволиди въ кильватеръ „Николаю“ остававшіеся еще корабли.

Страшный моментъ былъ въ это время пережитъ на палубѣ „Ушакова“, когда „Сенявинъ“, бывшій въ

это время сзади насъ, сталъ вступать намъ въ кильватеръ и не видя потухшаго изъ-за перебитаго проводника, кормоваго огня, чуть не протаранилъ насъ съ кормы.

Онъ былъ такъ близко отъ насъ, что даже при застопоренной у него машинѣ и положенномъ на бортъ рулѣ, его таранъ прошелъ въ нѣсколькихъ саженяхъ за кормой „Ушакова".

Мнѣ кажется, что при наставшей темнотѣ, имѣя назначенный курсъ и приблизительно одинъ ходъ, ошибочно было идти тѣсной колонной, ради которой „Николай" и другіе корабли несли задніе кильватерные огни. Еще невыгоднѣе было свѣтить прожекторамп, какъ дѣлали нѣкоторые корабли. Эти-то огни то служили прекраснымъ указаніемъ мѣста эскадры для японскихъ миноносцевъ и развѣдчиковъ.

Немудрено, что утромъ вокругъ остатковъ эскадры, слѣдовавшей за Небогатовымъ, собрался весь непріятельскій флотъ, который идя въ темнотѣ, могъ все время наблюдать движеніе нашихъ судовъ.

Наступила ночь холодная, темная, прорѣзываемая лишь лучами прожекторовъ, да освѣщаемая поминутно вспыхивающими яркими огнями выстрѣловъ.

Я думаю что никогда не изгладятся воспоминанія объ этой ужасной ночи въ памяти всѣхъ тѣхъ, кому пришлось провести ее на нашихъ избитыхъ, со всѣхъ сторонъ атакуемыхъ миноносцами, корабляхъ.

А миноносцевъ, какъ говорили потомъ сами японцы, было выпущено на насъ около сотни.

Но зато ихъ немало и погибло въ эту ночь. Кажется единственное мѣсто изъ отчета адмирала Того, которому я никакъ не могу повѣрить, это то, гдѣ онъ утверждаетъ, что за всю ночь съ японской стороны погибло всего лишь три миноносца.

До сихъ поръ я говорилъ о боѣ вообще, не упоминая о томъ что происходило въ этотъ приснопамятный день на самомъ „Ушаковѣ".

Какъ упоминалъ я выше, первая стычка съ непріятельскими крейсерами, окончившаяся такъ быстро и удачно, подняла духъ команды и привела всѣхъ въ самое хорошее настроеніе.

Я помню, какъ покойный Миклуха, когда было

вынесено на бакъ вино, громкимъ голосомъ поздравилъ команду съ праздникомъ и сказалъ: „помни же, братцы, что я на васъ надѣюсь и увѣренъ что каждый изъ васъ исполнитъ честно свой долгъ", на что послышался такой веселый отвѣтъ „рады стараться", что, какъ-то, радостно становилось на душѣ, видя бодрость духа матросъ.

Хотя всѣ пушки продолжали быть заряжены и была полная готовность ежеминутно начать бой, но все-же команда до 2 часовъ дня, то есть до столкновенія съ главными силами японцевъ, имѣла отдыхъ.

Съ началомъ боя „Ушаковъ" остался концевымъ въ линіи броненосцевъ, такъ какъ шедшіе сзади насъ крейсера, повернули вправо для защиты транспортовъ.

Непомѣрная длина нашей линіи кильватера тоже принесла намъ въ бою огромный вредъ.

Вѣдь насъ было 12 броненосцевъ, разстоянія между ними должны были соблюдаться въ 2 кабельтова, такъ что протяженіе колонны выходило не менѣе 3 миль, а вѣрнѣе больше.

Управленіе же въ бою такимъ длиннымъ строемъ, конечно, затруднительно, равно какъ и его маневрированіе.

Командиры были въ очень большой степени заняты соблюденіемъ назначенныхъ разстояній, что при постоянныхъ перемѣнахъ въ направленіи и скорости, было дѣломъ очень не легкимъ.

Все это мы испытали въ полной мѣрѣ на своемъ „Ушаковѣ".

Ясно что такія условія не могли способствовать успѣшности стрѣльбы, а кромѣ того мы оченьчасто на поворотахъ представляли выгодную для непріятеля цѣль, когда хвостъ эскадры шелъ въ направленіи противоположномъ головѣ.

А такъ какъ еще и ходъ нашъ былъ очень незавидный (9—10 узловъ), то такія невыгодныя положенія продолжались достаточное количество времени, чтобы дать непріятелю хорошую пристрѣлку, а наши корабли настолько же времени лишались возможности стрѣлять сосредоточенно.

Японцы же, прекрасно сознавая свои преимущества и обладая быстроходными и по большей части

однотипными кораблями, ходили кильватерными колоннами не свыше шести судовъ и бой вели почти исключительно на прямыхъ курсахъ, дѣлая повороты лишь по выходѣ изъ сферы нашего огня.

Промежутки же между кораблями они держали не 2 кабельтовъ, какъ было у насъ, а четыре, что давало ихъ командирамъ значительно бо́льшую свободу дѣйствій при управленіи судномъ.

По этому поводу артиллерійскій офицеръ японскаго крейсера „Ивате“ спрашивалъ, зачѣмъ наша эскадра ходила такой сомкнутой колонной, и тѣмъ давала имъ большія преимущества при стрѣльбѣ?

Но что можно было отвѣтить на этотъ вопросъ, когда на каждомъ шагу въ этотъ ужасный день приходилось наталкиваться на мысль „зачѣмъ и почему то или иное?“.

Вели бой японцы исключительно сами при полномъ отсутствіи иниціативы съ нашей стороны, мы же, какъ тихоходы, только терпѣли бой.

Все время японцы занимали то или другое, выгодное для себя положеніе, причемъ преимущественно располагали свои силы такимъ образомъ, что когда отрядъ эскадренныхъ броненосцевъ, обошедши полнымъ ходомъ наши суда и обстрѣлявъ ихъ мѣткимъ прицѣльнымъ огнемъ, проходилъ дальше и скрывался въ туманѣ, отрядъ не менѣе сильныхъ броненосныхъ крейсеровъ, уже открывалъ по насъ огонь съ другой стороны.

И лишь въ самый первый моментъ встрѣчи эскадръ и начала боя, отрядъ адмирала Того, шедшій намъ навстрѣчу сталъ описывая петлю, ворочать на сближающійся съ нами курсъ и находился въ это время кабельтовыхъ въ 45—50 отъ нашихъ головныхъ кораблей.

Но его броненосцы шли и поворачивали такъ быстро, что даже и тутъ пристрѣляться къ нимъ было очень трудно, особенно-же изъ конца колонны.

Хотя, весьма возможно и то, что именно въ это время „Миказа“ наиболѣе страдалъ отъ огня нашего „Ослябя“, бывшаго головнымъ лѣвой колонны и что потому именно этотъ послѣдній и подвергся такому

убійственному отвѣтному разстрѣлу всѣхъ броненосцевъ.

Сѣрый, чисто боевой цвѣтъ японскихъ кораблей, трубъ и мачтъ, до такой степени мало былъ примѣтенъ, при царившей туманности, что вѣрное разстояніе, получить было почти невозможно.

Мы-же, окрашенные точно для параднаго смотра, съ желтыми трубами, заключенными между черными бортами внизу и черными-же коронами сверху, по словамъ самихъ японцевъ, были весьма удобными какъ для опредѣленіе разстояній, такъ и для пристрѣлки.

Но былъ моментъ, когда казалось, что главныя силы Того разошлись съ нашими закрытыми мглою и дымомъ.

Въ виду того, что очень трудно для башенныхъ командировъ не ошибиться въ назначенномъ противникѣ, я съ согласія командира указалъ башнямъ, какъ главную ихъ цѣль, шедшихъ концевыми въ линіи непріятельскихъ броненосцевъ „Ниссинъ“ и „Касуга“. Ихъ видъ совершенно отличный отъ прочихъ судовъ, давалъ возможность не терять ихъ въ прицѣлѣ, а то обстоятельство, что они, подобно „Ушкову“ были концевыми, позволило намъ производить свои 10 д. выстрѣлы съ порядочно исправленными направленіями.

Корректировать-же паденіе снарядовъ въ смыслѣ дальности не представляло никакой возможности.

Не перечисляя всѣхъ нашихъ курсовъ и взаимныхъ положеній враждебныхъ эскадръ (а ихъ за время боя было очень много и они часто и быстро мѣнялись), скажу лишь, что до 4 часовъ дня дѣла „Ушакова“ обстояли благополучно.

Хотя мы до этого времени и не представляли еще изъ себя спеціальной цѣли для мѣткаго огня японцевъ, которые избивали наши корабли строго систематично, начиная съ головною, но часто, особенно во время поворотовъ, мы попадали въ жестокій обстрѣлъ.

Надъ головой проносилось и падало вокругъ много снарядовъ, но насъ они пока до 4 ч. еще не задѣвали.

Замѣчательно характеренъ и своеобразенъ звукъ летящей бомбы! Тутъ слышится и свистъ и какое-то хохотаніе, напоминающее собой громыханіе отдаленнаго поѣзда...

Во всякомъ случаѣ это звукъ необычайный и пока къ нему не привыкнешь, далеко непріятный.

Про разрывъ-же снаряда надъ головой или поблизости около борта и говорить нечего—эффектъ получается ужасный, потрясающій.

Но вотъ послѣ 4 часовъ, какъ разъ въ то время, какъ мы проходили мимо подвергшагося разстрѣлу броненосца „Александръ III“, въ насъ сразу попало одинъ за другимъ два снаряда большого калибра.

Однимъ изъ нихъ былъ пробитъ бортъ въ носовой части броненосца и все носовое отдѣленіе жилой палубы оказалось заполненнымъ водой.

Черезъ нѣсколько минутъ другой снарядъ ударилъ въ бортъ надъ самой водой противъ носовой башни, ворвался въ кубрикъ и тамъ разрывомъ своимъ сразу вывелъ 8 человѣкъ.

Трое изъ нихъ были страшно истерзаны и убиты на мѣстѣ, четвертый скоро скончался, четверо-же были тяжело ранены.

Эту пробоину, не смотря на значительныя ея размѣры, удалось до нѣкоторой степени задѣлать изнутри, заняться-же исправленіемъ обѣихъ пробоинъ нельзя было, не прекращая дѣйствія носовой башни и не стопоря машины.

Спустившись послѣ 5 часовъ вечера на нѣсколько минутъ внизъ, я прошелъ въ каютъ-кампанію, гдѣ на полу, прикрытые брезентами, лежали, вытянувъ окостенѣвшія ноги, четыре покойника, а раненные сидѣли и лежали на диванахъ.

Тутъ-же на носилкахъ, весь залитый кровью, лежалъ смертельно раненный осколкомъ въ горло матросъ и съ его тихими стонами сливалось какое-то глухое, страшное рокотаніе въ перебитой гортани.

Съ непонятнымъ теперь и только среди боя и сопровождающей его атмосферы смерти, возможнымъ спокойствіемъ и съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ, смотрѣлъ я на эти трупы, на стонущихъ, страдаю-

щихъ раненныхъ, на куски мозга, прилипшіе къ изголовью носилокъ...

Сознаніе, что каждую минуту самъ можешь превратиться въ такую-же кровавую массу, повергало въ состояніе отупенія.

Точно также страннымъ кажется теперь и то чувство спокойнаго равнодушія которое испытывалось во все время боя, за цѣлые семь часовъ, проведенные на открытомъ мостикѣ среди свиста и грохота снарядовъ.

Ощущеніе страха, которое случалось столько разъ испытывать въ жизни, здѣсь абсолютно не имѣло мѣста и лишь съ теченіемъ времени все существо охватывалось сознаніемъ сильнѣйшей физической усталости и апатіи.

Въ боевой рубкѣ за весь этотъ день мнѣ быть совсѣмъ не пришлось, такъ какъ тамъ было полно народомъ, да кромѣ того и управлять башнями изъ рубки не было возможности.

Телефонъ не дѣйствовалъ съ самаго начала боя, говорить-же подъ несмолкаемую канонаду выстрѣловъ при помощи переговорныхъ трубъ—было безполезно.

Переходя-же съ одной стороны мостика на другую, мнѣ удобно было слѣдить за непріятелемъ и передавать распоряженія въ носовую башню—лично, а въ кормовую черезъ бывшаго при мнѣ ординарцемъ молодца-комендора Чернова.

Съ большимъ уваженіемъ вспоминаю я о поведеніи этого человѣка во время боя.

Съ полнѣйшимъ самообладаніемъ и невозмутимостью бѣгалъ онъ, исполняя мои порученія по открытому мостику и спардеку и не только ни малѣйшаго страха не было замѣтно на его простенькой физіономіи, но напротивъ, онъ былъ веселъ и оживленъ.

Но чье положеніе было хуже всѣхъ—это офицеровъ и сигнальщиковъ, опредѣлявшихъ разстоянія у дальномѣровъ.

У насъ на „Ушаковѣ“ было двѣ дальномѣрныхъ станціи, но мѣсто задней было выбрано очень неудачно, почему и было рѣшено въ бою пользоваться

лишь носовыми дальномѣрами, установленными на площадкѣ надъ крышей боевой рубки.

Ввиду совершенно открытаго и возвышеннаго расположенія дальномѣровъ, съ разрѣшенія командира, я сказалъ мичманамъ С-ну и Т-зе, чтобы они чередовались у дальномѣровъ, дабы не подвергать опасности лишней жизни.

Но мичмана поспорили между собой за честь быть первымъ подъ огнемъ и не сговорившись пошли на площадку оба и вдвоемъ провели тамъ все время боевъ какъ 14-го, такъ и 15-го мая.

Когда у нашего борта разорвался снарядъ, сдѣлавшій пробоину въ кубрикѣ, всѣ мы, бывшіе на мостикѣ, оказались залитыми огромнымъ столбомъ воды, послѣ чего лица, кителя и фуражки—все это было покрыто желтыми пятнами мелинита, окрасившаго воду при взрывѣ.

Въ это-же время однимъ большимъ осколкомъ снаряда была разбита поднятая на спардекъ правая шестерка, а мелкими была испещрена передняя труба и осыпанъ мостикъ.

Не знаю, когда именно, но вѣроятно между 5 и 6 часами, когда мы шли близъ „Александра“ и когда всѣ предназначавшіеся ему перелеты сыпались вокругъ насъ, попалъ одинъ снарядъ въ броню кормовой башни.

Этимъ ударомъ, по словамъ находившихся въ башнѣ, встряхнуло довольно чувствительно всю установку, но броня совершенно уцѣлѣла.

На ней лишь остался глубокій отпечатокъ, да вокругъ, отъ взрыва, сгорѣла вся краска.

Палуба же, а также находящаяся поблизости желѣзная стѣнка спардека были покрыты дырами отъ осколковъ этого снаряда, массой валившихся около.

Еще днемъ былъ уничтоженъ нашъ безпроволочный телеграфъ и сбитъ гафель, флагъ съ котораго квартирмейстеръ Прокоповичъ тотчасъ же перенесъ на правый нокъ грота-рея.

Не могу обойти молчаніемъ молодчину Прокоповича, бывшаго по боевому росписанію часовымъ у флага. Весь бой 14-го числа простоялъ онъ безсмѣнно на

своемъ посту и не смотря на то, что оказался совершенно оглохшимъ, ночью вступилъ еще на вахту.

15-го мая снова все время пробылъ онъ на своемъ мѣстѣ у флага и подъ самый конецъ боя былъ совершенно растерзанъ взорвавшимся около него снарядомъ.

Послѣ гибели „Бородино“ и сигнала съ „Николая“ о курсѣ, командиръ нашъ сначала разсчитывалъ вступить въ кильватеръ „Орлу„ въ виду того, что съ наступленіемъ темноты эскадра сильно растянулась и порядокъ ея разстроился.

Но не смотря на самый полный ходъ, мы не могли приблизиться къ „Орлу“ и были послѣдовательно обогнаны „Апраксинымъ“, а затѣмъ и чуть не потопившимъ насъ „Сенявинымъ“.

Въ 9-мъ часу вечера мы занимали мѣсто въ колоннѣ между „Сенявинымъ“ и „Сисоемъ Великимъ“.

Послѣдній все время имѣлъ жестокую перестрѣлку съ атакующими японскими миноносцами, причемъ былъ подорванъ взрывомъ мины въ носовую часть.

Въ отчетѣ адмирала Того такъ сказано объ этой части сраженія.

„Въ 8, 15 дестройеры „Iajima“ сдѣлали первый ударъ противъ авангарда главныхъ русскихъ силъ и тутъ всѣ остальныя флотиліи совмѣстно атаковали съ разныхъ сторонъ, продолжая эту смѣлую работу до 11 часовъ вечера.

Непріятель защищался отчаянно, производя сильный огонь и освѣщая наши суда прожекторами.

Въ концѣ концовъ русскіе отступили (?).

(Эти слова непонятны, такъ какъ мы не смотря на атаки все время продолжали идти на сѣверъ назначеннымъ курсомъ. Вѣроятно, Того говоритъ здѣсь о тѣхъ корабляхъ, которые, будучи взорванными, вынуждены были отстать отъ отряда и идти къ берегу).

Всѣ русскія суда были разъединены и стремились уйти.

Неподдающееся описанію сраженіе происходило на самомъ близкомъ разстояніи.

Въ одномъ мѣстѣ три большихъ судна: „Сисой Великій“, „Нахимовъ“ и „Владиміръ Мономахъ“ по-

лучили минныя пробоины, приведшія ихъ въ полную негодность къ бою и плаванію.

Съ нашей стороны были потоплены миноносцы № 69 (флагманское судно флотиліи Фукуда), № 34 и № 35 флотиліи Кавада.

Дестройеры „Harusami“, „Akatzuki“, „Imasumi“ и „Jugiri“, а также миноносцы „Sagi“, № 68 и № 33 были болѣе или менѣе повреждены русскимъ огнемъ или столкновеніями и должны были на короткое время отступить.

Эти суда понесли значительныя потери убитыми и ранеными.

Флотиліи Фукуда, Аойама и Кавада имѣли самыя большія поврежденія и потери.

Команда трехъ утопленныхъ миноносцевъ была спасена своими товарищами „Kari“, № 31 и № 61.

Потомъ мы узнали отъ русскихъ плѣнныхъ, что ужасное дѣйствіе минныхъ атакъ въ ночь на 28 мая, не поддается описанію.

Атаки столь часто повторялись, что русскіе не успѣвали ихъ отбивать, а маленькіе миноносцы такъ близко подходили къ русскимъ судамъ, что на нихъ нельзя было наводить пушки.

Около 2 часовъ ночи флотиліи Судзуки открыли два русскихъ судна, идущихъ къ сѣверу въ 27 миляхъ на NO отъ Харазаки.

Миноносцы немедленно атаковали русскихъ и потопили одно судно, которое потомъ оказалось броненосцемъ „Наваринъ“. Это судно получило съ обоихъ бортовъ по 2 мины и въ нѣсколько минутъ погрузилось въ воду.

Другія флотиліи искали непріятеля всю ночь но безуспѣшно“. *)

Вотъ какъ описывается японцами эта страшная ночь, взявшая жертвами съ нашей стороны „Сисоя“, „Наварина“, „Нахимова“ и „Мономаха“.

И все же никакими словами нельзя описать того, что въ эти часы переживалось.

Какъ я говорилъ уже къ 9 часамъ вечера, т. е. въ самый разгаръ атакъ японскихъ миноносцевъ, наша колонна шла на сѣверъ въ такомъ порядкѣ:

„Николай“, „Апраксинъ“, „Синявинъ“, „Ушаковъ“

*) Черная матовая окраска здѣсь была благопріятна для насъ.

и нѣсколько отставъ „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и „Нахимовъ“, расположеніе остальныхъ судовъ мнѣ неизвѣстно.

И заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что первыя пять судовъ, бывшихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ адмирала Небогатова отъ минныхъ взрывовъ не пострадали, не смотря на то, что миноносцы массами шныряли вокругъ.

Я объясняю это лишь тѣмъ, что корабли, шедшіе сзади насъ съ наступленіемъ темноты сразу открыли свои прожекторы и свѣтили ими все время.

На нихъ то, поэтому, и набросились миноносцы, а ихъ было такое множество, что пока одни изъ нихъ попадали въ лучи немногочисленныхъ прожекторовъ, другіе свободно атаковывали наши корабли съ противоположной стороны.

Покойный Миклуха, слѣдя за адмираломъ и помня его наставленіе, выраженное въ одномъ изъ приказовъ, что „полная темнота есть лучшая защита отъ миноносцевъ“, почти не приказывалъ свѣтить прожекторами и совершенно запретилъ стрѣлять изъ орудій, разсуждая, что своими двумя фонарями мы не только не защищаемся отъ непріятеля, а напротивъ, навѣрняка привлечемъ на себя его атаки.

И возможно, что онъ былъ правъ, такъ какъ мимо насъ прошло нѣсколько миноносцевъ и изъ нихъ три совершенно близко за кормой, очевидно не замѣчая насъ, а направляясь къ группѣ свѣтившихъ судовъ, лучи прожекторовъ коихъ нерѣдко останавливались на своихъ же товарищахъ, освѣщая ихъ къ вящему удобству врага.

Получивъ отъ командира категорическое приказаніе ни въ какомъ случаѣ безъ его команды не открывать огня и сообщивъ это распоряженіе орудійной прислугѣ, я измученный тяжелымъ днемъ боя, прилегъ тутъ же на мостикѣ на ящикъ съ сигнальными флагами и тотчасъ же заснулъ, не смотря на несмолкаемую канонаду и пронизывающій ночной холодъ.

Апатія ко всему происходящему была такая, что о массѣ кишащихъ вокругъ миноносцевъ, то здѣсь,

то тамъ дѣлающихъ свое грозное дѣло, и не думалось вовсе.

Было одно лишь сознательное желаніе—отдохнуть хоть немного и забыться отъ ужасной дѣйствительности этого несчастнаго дня.

Около полночи меня разбудили и позвали въ штурманскую рубку, гдѣ командиръ составилъ совѣщаніе изъ старшихъ судовыхъ офицеровъ. Въ это время канонада стихала и лишь откуда то издалека доносились слабые звуки выстрѣловъ.

Вокругъ насъ не было замѣтно миноносцевъ и ни одного огонька не было видно поблизости.

Оказалось, что имѣя затопленнымъ все носовое отдѣленіе, „Ушаковъ“ сильно зарывался носомъ и на крупной зыби при полномъ числѣ оборотовъ не могъ давать болѣе 10 узловъ хода.

Вслѣдствіе этого одинъ за другимъ обогнавшіе насъ корабли, слѣдуя за идущимъ впереди „Николаемъ“, скоро насъ опередили и къ полночи мы сильно отстали отъ эскадры, шедшей не менѣе 12—$12^1/_2$ узловъ и такимъ образомъ, въ описываемыя минуты, мы находились въ полномъ одиночествѣ.

На совѣщаніи командиръ, показавъ на картѣ наше мѣсто (штурманамъ удалось опредѣлиться по звѣздамъ) и изложивъ дѣйствительное положеніе броненосца, предложилъ высказать свои мнѣнія относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

Единогласно было рѣшено продолжать идти тѣмъ же, назначеннымъ адмираломъ курсомъ (NO 23°) и самымъ полнымъ ходомъ стараться догнать ушедшую впередъ эскадру.

Если же это не удастся, то мы должны были пытаться такъ или иначе самостоятельно прорваться во Владивостокъ.

Но ставя тогда такое рѣшеніе мы и не думали до какой степени оно было неисполнимо, особенно же съ нашимъ ничтожнымъ ходомъ.

Мы и не предполагали, какъ все было заранѣе предусмотрѣно у японцевъ и не знали, что еще вечеромъ адмиралъ Того приказалъ всѣмъ боевымъ судамъ собраться къ утру у острова Дажелета и что все Японское море было покрыто сплошной и непрерыв-

ной сѣтью быстроходныхъ японскихъ развѣдчиковъ.

Впослѣдствіе, когда послѣ гибели „Ушакова", мы были подобраны непріятельскими крейсерами, японскіе офицеры показывали карту Японскаго моря съ обозначеніемъ районовъ дѣйствія каждаго развѣдчика и дѣйствительно пришлось убѣдиться, что вырваться изъ этого магическаго кольца нашему тихоходу „Ушакову" было непосильной задачей.

Около 3 часовъ ночи, совершенно иззябнувъ и продрогнувъ на мостикѣ, спустился я внизъ и прошелъ въ каютъ-кампанію, причемъ былъ принужденъ шагать черезъ лужи переливающейся отъ качки воды, которая около перевязочнаго пункта была краснобураго цвѣта.

Никогда мнѣ еще не приходилось видѣть нашу каютъ-кампанію при столь мрачной обстановки, какъ теперь.

Прикрытая сверху лампочка, слабо освѣщала фигуры спящихъ на диванахъ офицеровъ и лежащихъ на полу въ своихъ застывшихъ позахъ покойниковъ.

Сурово выглядывали въ полумракѣ съ полотна портрета пристальные глаза старика Ѳ. Ѳ. Ушакова, какъ бы осматривая всю эту послѣбоевую картину.

Найдя на каютъ-компанейскомъ столѣ кое-какіе оставшіеся объѣдки, я вдругъ вспомнилъ, что съ утра еще ничего не ѣлъ и сразу почувствовалъ приступъ сильнаго голода.

Не обращая никакого вниманія ни на мертвыхъ, ни на засохшія на краскѣ пятна крови, я съ жадностью, безъ помощи ножа и вилки уничтожилъ все бывшее на тарелкѣ, запилъ это глоткомъ вина и войдя къ себѣ въ каюту, какъ убитый заснулъ, едва коснувшись койки.

Тяжелый это былъ сонъ...

Безумная усталость, ломота во всемъ тѣлѣ, духота и жара въ наглухо задраенной каютѣ—все это вмѣсто отдыха создало какой-то ужасный, мучительный кошмаръ.

Но и такъ немного удалось мнѣ поспать.

Около 5 часовъ утра, едва лишь разсвѣло, я почувствовалъ, что меня трясутъ за плечо.

Съ трудомъ очнувшись отъ тяжелаго забытья, я открылъ глаза и увидѣлъ своего товарища мичмана Г-ва, который усердно будилъ меня, говоря:

— „Вставай, Н. Н., опять японцы идутъ, скоро вѣроятно снова бой начнется".

— „Сколько ихъ одинъ, два"?... спросилъ я.

— „Нѣтъ много и съ разныхъ сторонъ".

Трудно передать то давящее чувство безъисходности, которое схватило меня при этихъ словахъ и донельзя не хотѣлось подыматься съ подушки. а напротивъ хотѣлось такъ остаться, заснуть и проспать до самаго конца, только бы этотъ конецъ приходилъ поскорѣе.

Но, дѣлать нечего, пришлось подняться и выйти наверхъ.

И вотъ какая картина представилась глазамъ, когда я поднялся на мостикъ и въ свой сильный бинокль сталъ осматривать горизонтъ.

Солнце, только что взошло и мягко освѣщало своими лучами почти гладкое, спокойное море. Мы шли тѣмъ-же курсомъ №О 23°, а впереди насъ и немного лѣвѣе было видно облако дыма и чуть примѣтныя очертанія кораблей.

Это и былъ опередившій насъ за ночь миль на 15 Небогатовскій отрядъ.

Въ 8 или 9 миляхъ разстоянія на перерѣзъ нашему курсу шелъ слѣва отрядъ изъ шести японскихъ судовъ, сроди которыхъ можно было различить силуэты однотрубныхъ крейсеровъ: „Матсушима". „Итсукушима" и „Хашидате".

Всѣ они, не обращая вниманія на насъ, быстро шли въ догонку отряда Небогатова.

Сзади-же и справа, уже прямо на насъ двигались два рангоута: одинъ высокій, а другой рядомъ съ нимъ маленькій и судя потому, какъ выростали эти рангоуты, можно было заключить, что непріятель догоняетъ насъ большимъ ходомъ.

Черезъ нѣсколько времени въ этихъ судахъ были опознаны быстроходный крейсеръ „Читозе" и одинъ изъ миноноецевъ.

Приблизившись къ намъ на 35 кабельтовыхъ, „Читозе“, со своимъ спутникомъ, вдругъ круто повернулъ и полнымъ ходомъ сталъ отходить въ сторону и назадъ.

Еще ранѣе, у насъ была пробита боевая тревога, орудія наведены и держали врага все время въ прицѣлѣ.

Но предложеніе мое—разрядить по „Читозе“ нашу кормовую башню,—командиръ отклонилъ, не желая пальбой привлекать на себя вниманіе цѣлой непріятельской колонны.

Хотя, разсуждая такъ, Миклуха и имѣлъ резонъ, но все-же жалко было выпускать изъ подъ своихъ выстрѣловъ такую хорошую цѣль, тѣмъ болѣе, что была полная надежда на успѣхъ и на возможность нанести, хоть какой-нибудь, вредъ непріятелю.

Видя, что догнать наши корабли нѣтъ никакой возможности, т. к. между ними и нами теперь находились японскія суда, Миклуха, выждавъ пока скрылся изъ вида „Читозе“, повернулъ вправо и легъ, почти, на востокъ, удаляясь отъ непріятельской эскадры.

V.

Послѣдній бой и гибель броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“.

Часовъ около шести утра, 15 мая, какъ разъ въ то время, когда „Читозе“ быстро настигалъ насъ и мы готовились къ бою съ нимъ, на шканцахъ „Ушакова“ была совершена, въ высшей степени тяжелая, церемонія погребенія въ морѣ нашихъ вчерашнихъ покойниковъ.

Сначала, старшій офицеръ предполагалъ предать морю ихъ тѣла какъ слѣдуетъ, то-есть, зашивъ въ парусину и т. п., но теперь обстоятельства принудили все это упростить и ускорить.

Убитые были вынесены и положены на шканцахъ—всѣ четверо рядомъ, прикрытые роднымъ, многострадальнымъ андреевскимъ флагомъ.

Судовой нашъ священникъ о. Іона, блѣдный и, взволнованный, дрожащимъ голосомъ прочелъ необходимые молитвы, посыпалъ трупы горстью песка и затѣмъ, матросы, одного за другимъ, сбросили въ море своихъ недавнихъ товарищей.

Грузно ударились о воду четыре тѣла и, затѣмъ, увлекаемыя, привязанными къ ногамъ, тяжелыми баластинами, исчезали въ пучинѣ моря. Казалось бы, что послѣ всѣхъ ужасовъ вчерашняго боя, естественно было спокойно отнестись къ этому погребенію, а, между тѣмъ, впечатлѣніе, имъ произведенное на всѣхъ присутствующихъ, было невыносимо тягостное.

Сердце рвалось на части отъ жалости къ этимъ безвиннымъ жертвамъ, а въ то-же время мелькала мысль, что имъ выпала благая часть, что имъ уже нѣтъ никакого дѣла ни до японцевъ, ни до всѣхъ тѣхъ мученій, которыя еще предстояло испытать нравственно всѣмъ, а физически многимъ изъ насъ.

Кстати скажу нѣсколько словъ о нашемъ миломъ „ушаковскомъ“ батюшкѣ. Еще далеко не старый человѣкъ, всегда являвшій собою образецъ и воплощеніе скромности, доброты и кротости, отецъ Іона, во время боя, приносилъ огромную пользу.

Дѣло въ томъ, что бывши въ молодости фельдшеромъ, въ одномъ изъ стрѣлковыхъ полковъ, онъ не утратилъ своихъ медицинскихъ познаній и во время сраженій дѣлилъ труды съ нашимъ докторомъ и фельдшеромъ.

Наши корабли, принимая во вниманіе численность ихъ экипажа, достаточно скудно комплектуются медицинскимъ персоналомъ.

Такъ, напримѣръ, на „Ушаковѣ“, имѣвшемъ 20 человѣкъ офицеровъ и свыше 400 человѣкъ команды (включая кондукторовъ), былъ лишь одинъ врачъ, одинъ фельдшеръ и три санитара. Операціонный пунктъ нашъ былъ очень красивый, свѣтлый, прекрасно оборудованный, но пригодный лишь для плаванія мирнаго времени, ввиду полной его незащищенности.

А потому пришлось устроить мѣста для операцій и перевязокъ раненыхъ, въ жилой палубѣ, около броневыхъ срубовъ башень.

Укрываясь за этой броней, со стороны обращенной отъ непріятеля, врачъ и раненые имѣли, хоть нѣкоторую, защиту.

Такихъ перевязочныхъ пунктовъ у насъ было два, изъ коихъ на кормовомъ, около каютъ-кампаніи, работалъ докторъ съ фельдшеромъ, а въ носовомъ кубрикѣ находился отецъ Іона съ санитаромъ.

Нашъ фельдшеръ, Лежневскій, былъ совсѣмъ юный, очень маленькій человѣчекъ, скромный и неутомимый работникъ.

Пробывъ цѣлый вечеръ при раненыхъ, онъ къ ночи совсѣмъ выбился изъ силъ и я, до сихъ поръ, не могу забыть ту позу, въ которой я нашелъ его, когда подъ утро 15 мая, спустился съ мостика внизъ.

Лежневскій блѣдный, съ измученнымъ, почти дѣтскимъ, лицомъ, лежалъ свернувшись клубочкомъ и спалъ, мертвымъ сномъ, весь умѣщаясь на двухъ сдвинутыхъ табуреткахъ.

А вокругъ него стояли, окрашенныя кровью, лужи воды, валялись засохшіе окровавленные бинты и вата и, тутъ-же, къ стѣнкѣ были прислонены сложенныя носилки, со слѣдами мозга на изголовьи.

Съ содроганіемъ и отвращеніемъ, припоминаю теперь я эту отталкивающую обстановку, но тогда, кромѣ полнаго равнодушія и, пожалуй, нѣкототораго любопытства, ничего не испытывалъ.

Однако, возвращаюсь къ дальнѣйшему ходу событій этого послѣдняго дня жизни „Ушакова“ и многихъ „ушаковцевъ“.

Продержавшись часа три на принятомъ курсѣ, Миклуха рѣшилъ, что такъ какъ не видно вокругъ ни одного дымка непріятельскихъ развѣдчиковъ, повернуть въ полдень на NW, то-есть направиться къ Корейскому берегу и затѣмъ, по мѣрѣ возможности, ложиться на Владивостокъ.

Между 10 и 11 часами, слѣва, издалека и очень слабо, были слышны звуки пальбы, скоро смолкнувшей.

Это и было послѣднее несчастное столкновеніе остатковъ нашей эскадры съ окружившимъ ихъ японскимъ флотомъ, когда результатомъ этого столкнове-

нія явилась сдача Небогатовымъ четырехъ его броненосцевъ.

Изъ нихъ „Орелъ“ былъ сильно поврежденъ и имѣлъ убитыхъ и раненыхъ, какъ среди офицеровъ, такъ и среди команды.

Командиръ его, Юнгъ, еще наканунѣ, былъ смертельно раненъ тремя осколками и общее убѣжденіе офицеровъ, что, будь ихъ командиръ здоровъ, корабль ни за что не попалъ бы въ руки врага.

До двухъ часовъ дня мы шли вполнѣ благополучно, никого не встрѣчая и нигдѣ не видя дыма.

Уже начала являться надежда, что, авось, съ Божіей помощью, намъ удастся до ночи пробыть незамѣченными, а потомъ, какъ-нибудь, и проскочить къ Владивостоку.

Но увы, эта надежда очень и очень скоро рухнула.

Въ началѣ третьяго часа, сигнальщикъ съ марса передалъ, что справа показался дымъ. Повернули влѣво, но тамъ скоро по носу снова выросъ дымокъ, низко разстилавшійся надъ водой, и очевидно принадлежащій быстроходному судну — развѣдчику или миноносцу.

Опять повернули мы въ сторону, не помню ужъ въ какую, но только съ этого момента „Ушаковъ“ сталъ метаться какъ въ агоніи, всюду натыкаясь на дымъ или отдаленный рангоутъ.

Очевидно мы попали какъ разъ въ то магическое кольцо, вырваться изъ котораго намъ такъ и не удалось.

Около трехъ часовъ дня, надъ горизонтомъ, который, на наше несчастье, былъ совершенно чистъ, показалось нѣсколько дымковъ и скоро въ бинокль стали видны рангоуты шести, идущихъ въ кильватеръ, большихъ кораблей.

Снова повернули отъ нихъ и своимъ 9—10 узловымъ ходомъ, зарываясь носомъ въ крупную зыбь, мы стали уходить приблизительно на SW. А сначала чуть было не пошли прямо на показавшуюся эскадру, такъ какъ сигнальщики на марсахъ, а за ними и нѣкоторые офицеры увѣряли, что это нашъ крейсер-

скій отрядъ и что среди судовъ можно ясно различить „Аврору“ и „Олега“ съ ихъ желтыми трубами.

Но командиръ рѣшилъ, во всякомъ случаѣ, отъ показавшейся эскадры уходить, говоря, что если это крейсера наши, то догнать насъ они всегда успѣютъ, но самъ насъ убѣждалъ, что это непріятель.

И онъ оказался правъ, повернувъ обратно, хотя, въ сущности, дѣло, такъ или иначе, сводилось къ одному и тому же результату.

Скоро у насъ было замѣчено, что два корабля отдѣлились отъ эскадры и направились къ намъ.

Было приказано изготовиться къ бою, но такъ какъ въ окончательномъ исходѣ послѣдняго не могло быть никакихъ сомнѣній, то Миклуха, призвавъ на мостикъ миннаго офицера Б. К. Жданова, велѣлъ ему изготовить ко взрыву, на случай надобности, трубы кинстоновъ и циркуляціонной помпы.

Командѣ же дано было распоряженіе выбросить съ мостика, по возможности, все горючее: лишнее дерево, парусину, койки и т. п. и оставить одни лишь пробковые матрацы.

На собранномъ совѣтѣ офицеровъ, опять-таки единогласно, было рѣшено драться, пока хватитъ силъ, а потомъ уничтожить броненосецъ, и никому у насъ не пришла въ голову мысль о возможности избѣгнуть предстоящаго пагубнаго боя цѣною позора своего флага. Командиръ, офицеры и матросы прощались другъ съ другомъ, разставаясь навсегда, такъ какъ трудно было разсчитывать уцѣлѣть, послѣ предстоявшаго намъ дѣла съ двумя противниками, въ которыхъ были узнаны первоклассные японскіе броненосные крейсера „Ивате“ и „Якумо“.

А послѣдніе, тѣмъ временемъ, быстро нагоняли насъ и около четырехъ часовъ были позади насъ на 80—90 кабельтововъ разстоянія.

На переднемъ изъ нихъ былъ поднятъ двухфлажный сигналъ, котораго, за отдаленностью, мы никакъ разобрать не могли. Не получая отвѣта на свой сигналъ, крейсера повернули нѣсколько вправо и легли потомъ параллельнымъ съ нами курсомъ, подходя

быстро къ нашему траверзу, но не сближаясь съ нами меньше какъ на 70 кабельтововъ.

Придя, наконецъ, почти на траверзъ, передній крейсеръ „Ивате“, бывшій подъ флагомъ контръ-адмирала Симамуры, поднялъ снова сигналъ, на этотъ разъ уже состоявшій изъ большаго количества флаговъ и съ русскимъ коммерческимъ на стеньгѣ.

Нашъ командиръ приказалъ поднять и у насъ, до половины, отвѣтъ международнаго свода и сигнальщики, вмѣстѣ съ бывшими на мостикѣ офицерами, взапуски принялись разбирать флаги.

Еще до подъема этого сигнала, была сыграна „короткая тревога“ (сигналъ для начала пальбы) и всѣ пушки было приказано поставить на максимальный уголъ возвышенія, дававшій у насъ для 10 дюйм. пушекъ наибольшую дальность въ 63 кабельтова, а для 120 мм.—въ 55 каб. Видя, что мы долго не отвѣчаемъ на ихъ сигналъ, японцы для привлеченія вниманія сдѣлали холостой, или на очень близкое разстояніе выстрѣлъ, на который кормовая башня, не зная о поднятомъ у насъ отвѣтѣ, дала по „Ивате“ боевой, залпъ.

Не смотря на это, японцы все еще выдерживали характеръ и не открывали огня, у насъ же была тоже сыграна „дробь“.

Но вотъ, минуты черезъ три, удалось, наконецъ разобрать первую половину сигнала, гласившую слѣдующее: „совѣтую вамъ сдать вашъ корабль“...

... — „Ну а продолженія и разбирать нечего“ сказалъ Миклуха, „долой отвѣтъ, открывайте огонь“.

Снова сыграли „короткую тревогу“ и весь бортъ, сразу, по командѣ, открылъ огонь.

Раздѣлять огонь по обоимъ противникамъ намъ не имѣло смысла, а потому вся стрѣльба была сосредоточена по адмиральскому головному крейсеру „Ивате“.

Направленія нашихъ снарядовъ были, съ самаго начала, хорошія, но видно было что получаются недолеты.

Работу же 120 м.м. батарейныхъ пушекъ временами приходилось совершенно прекращать, такъ какъ

ихъ стрѣльба, на томъ разстояніи, на которомъ держались отъ насъ японцы, была абсолютно безполезна.

Какъ мы узнали потомъ, на „Ивате“ вторая неразобранная часть сигнала была весьма ядовита и имѣла цѣлью смутить насъ.

Послѣдній бой.

... „Такъ какъ „Николай“ уже сдался“ — вотъ о чемъ извѣщали насъ неразобранные флаги. И дѣйстви-

тельно, будь у насъ другой командиръ, кто знаетъ, какъ принялъ бы онъ такой обезкураживающій сигналъ.

Вѣдь, разъ сдался „Николай", значитъ съ нимъ сдался адмиралъ, сдались и всѣ остальные, а, слѣдовательно, мы являлись послѣдними изъ остатковъ эскадры...

Могъ бы поколебаться при такой вѣсти кто-нибудь другой, но не Миклуха.

Больной, съ издерганными долгимъ походомъ нервами, покойный Владиміръ Николаевичъ, съ самаго начала боя еще 14 мая, велъ себя безукоризненно, не проявивъ, не-смотря на всю предшествовавшую нервность, ни малѣйшей робости или сомнѣнія.

Не взирая на всѣ несчастныя для насъ условія, онъ твердо рѣшилъ, что имя старика Ушакова не будетъ запятнано и русскій флагъ на броненосцѣ его имени опозоренъ не будетъ.

И онъ исполнилъ свое намѣреніе, поплатившись при этомъ своей жизнью.

Въ отвѣтъ на огонь нашего праваго борта, японцы тотчасъ же начали убійственную стрѣльбу, пользуясь главнымъ образомъ своими 8-ю башенными орудіями, могущими стрѣлять благодаря своимъ новѣйшимъ установкамъ на дистанцію до 75 кабельтововъ.

Вотъ таблица тѣхъ неравныхъ силъ, которыя были въ распоряженіи у насъ и у нашихъ враговъ.

	„Ушаковъ".	Оба японца.
Водоизмѣщеніе .	4126 тоннъ.	19700 тоннъ.
Артиллерія . .	4—10 д. ор.	8—8 д. ор.
	4—120 мм. ор.	28—6 д. ор.
Ходъ	9—10 узловъ.	20 узловъ.
Наиб. дальн. стр.	63 кабельт.	75 кабельт.

Какъ видно изъ этихъ цифръ, на успѣхъ въ бою мы разсчитывать не могли, а здѣсь, вѣдь, еще не упомянута несравнимая разница въ бронированіи и то, что „Ушаковъ" имѣлъ уже двѣ пробоины, затопившія его носъ и бывшія какъ разъ съ правой стороны, то-есть съ того именно борта, которымъ 15-го мая и пришлось вести бой.

Изъ маневрированія японцевъ, еще до начала боя,

было ясно, что они, разсчитывая на свою, вдвое преобладающую надъ нами, скорость, хотятъ обойти насъ такимъ образомъ, чтобы солнце взять себѣ за спину и тѣмъ лишить насъ возможности хорошо цѣлиться противъ ослѣпляющаго свѣта.

Сразу замѣтивъ это, невыгодное для насъ, намѣреніе непріятеля, я доложилъ о томъ командиру и онъ, при дальнѣйшемъ управленіи броненосцемъ, все время принималъ во вниманіе то же обстоятельство и понемногу склонялся вправо.

Японцы, понимая наше стремленіе—сблизиться съ ними на дистанцію нашего дѣйствительнаго обстрѣла, не желали, видимо подставлять себя подъ наши 10 д. бомбы и, пользуясь искусно своимъ преимуществомъ въ ходѣ, управляли разстояніями по своему усмотрѣнію.

Для этого, замѣтивъ, что „Ушаковъ“ ворочаетъ вправо и начинаетъ къ нимъ приближаться, головной крейсеръ „Ивате“ тотчасъ-же уклонялся то-же вправо, а „Якумо“ принимался громить насъ всѣмъ своимъ бортомъ.

А какъ только „Ивате“ становился на желаемое и выгодное для него удаленіе, тоже самое продѣлывалъ „Якумо“ и подъ прикрытіемъ огня „Ивате“, приходилъ ему въ кильватеръ.

Такой пріемъ даетъ понятіе о производившихся раза три маневрахъ „Ушакова“ для сближенія съ непріятелемъ и объ мѣрахъ для сохраненія выгоднаго для себя положенія.

На этотъ разъ, въ боевой рубкѣ было уже немного народа и я весь бой провелъ тамъ, вмѣстѣ съ командиромъ и штурманомъ.

Не будь я 15 мая въ рубкѣ, мнѣ конечно не пришлось бы писать этихъ строкъ, ибо уцѣлѣть на открытомъ мостикѣ не было никакой возможности: тамъ, буквально, все сметалось градомъ осколковъ.

Минутъ около десяти, японцы, несмотря на всю легкость для нихъ стрѣльбы въ насъ, не могли пристрѣляться и ихъ снаряды, по большей части 3 дм., давали часто недолеты, хотя и ложились довольно близко отъ борта.

Затѣмъ пошла небольшая серія перелетовъ, а за

ними огонь непріятеля сталъ до такой степени прицѣльнымъ и мѣткимъ, что каждый залпъ приносилъ намъ все новыя и новыя разрушенія.

Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, гидравлическая горизонтальная наводка носовой башни прекратилась, вѣроятно, произошла какая-нибудь поломка въ частяхъ машинки и безъ того расшатанной непрерывной стрѣльбой.

Стали вращать башню вручную, но это было настолько трудно, при явившемся на правый бортъ небольшомъ кренѣ, что стрѣльба этой башни замедлилась и стала мало дѣйствительной. Кормовая-же башня работала, вполнѣ исправно, до самаго конца.

Что касается огня батареи, то его, временами, приходилось совершенно прекращать за полной его безполезностью, т. к. дистанція боя все время значительно превосходила дальность пораженія 120 мм. пушекъ.

Кромѣ того, минутъ черезъ 20 послѣ начала боя, было разбито правое, носовое, 120 мм. орудіе, а нѣсколькими, послѣдовательно попавшими въ батарею непріятельскими снарядами, былъ произведенъ взрывъ трехъ бесѣдокъ съ 120-ю патронами, вслѣдствіе чего начался сильный пожаръ.

Этими же снарядами и взрывомъ бесѣдокъ, были произведены большія разрушенія на правой сторонѣ батареи, да и лѣвая ея сторона была вся завалена кусками и обломками отъ разбитой динамо-машины и развороченнаго камбуза.

Мѣстами попадались, залитые кровью и изуродованные до неузнаваемости, трупы убитыхъ матросовъ.

Черезъ полчаса пальбы огонь обоихъ непріятельскихъ крейсеровъ, сосредоточенный на, сильно уже подбитомъ, „Ушаковѣ“ былъ ужасенъ по своимъ результатамъ. Кромѣ пожара въ батареѣ, отъ взрыва снаряда, въ жилой палубѣ загорѣлась обшивка борта и рундуки съ командными вещами.

Къ концу получасоваго боя, нашимъ броненосцемъ были получены слѣдующія поврежденія, вдобавокъ ко вчерашнимъ:

8 д. снарядомъ была произведена большая про-

боина по ватеръ-линіи подъ носовой башней, нѣсколько, болѣе или менѣе значительныхъ, пробоинъ по всему борту и, наконецъ, огромное отверстіе въ борту было сдѣлано подъ каютъ-кампаніей снарядомъ, взрывъ котораго былъ ужасенъ по своей силѣ.

Послѣ перечисленныхъ разрушеній, „Ушаковъ“ быстро накренился на правый бортъ настолько сильно, что стрѣльба изъ башенъ стала недѣйствительна вслѣдствіе уменьшенія дальности, а затѣмъ и полной невозможности вращать башни противъ крена.

При такихъ условіяхъ, командиръ, видя безполезность дальнѣйшей стрѣльбы и использовавъ всю боевую способность своего корабля, приказалъ потопить „Ушакова“.

Были открыты кингстоны, затоплены бомбовые погреба и подорвана труба циркуляціонной помпы въ машинномъ отдѣленіи.

Машины были застопорены, стрѣльба была прекращена и людямъ было приказано выходить наверхъ и бросаться за бортъ, пользуясь имѣемыми подъ руками спасательными средствами.

Всѣ наши шлюпки были избиты снарядами и осколками и вдобавокъ къ матрацамъ и пробковымъ поясамъ могли служить лишь, присланные на нашу эскадру, во время стоянки въ Джибути, большіе спасательные круги, подымавшіе на себѣ до тридцати человѣкъ.

Поврежденія „Ушакова“ отъ снарядовъ непріятеля, не прекращавшаго своего огня, не-смотря на нашу очевидную безпомощность, были настолько велики, что нашъ маленькій броненосецъ погибъ-бы и безъ принятія перечисленныхъ выше мѣръ, но, конечно, открытіе кингстоновъ сильно ускорило его конецъ.

Вплоть до самаго прекращенія огня простояли на площадкѣ, у дальномѣровъ, мичманы Сипягинъ и Транзе съ помогавшими имъ сигнальщиками и прямо удивляться надо какъ спасъ ихъ Господь среди вихря проносившихся вокругъ осколковъ.

Едва успѣлъ я крикнуть дальномѣрщикамъ, что онѣ больше не нужны и чтобы уходили внизъ, какъ снарядъ, разорвавшійся у основанія боевой рубки,

вдребезги разбилъ оба дальномѣра, снесъ стоявшій на марсѣ пулеметъ и, наповалъ, убилъ послѣдняго, изъ спускавшихся съ площадки—сигнальщика Плаксина, тѣло котораго кровавой массой упало на мостикъ, около самой рубки. Когда почти вся команда была уже въ водѣ, на мостикъ пришелъ старшій офицеръ доложить командиру о томъ, что вода быстро прибываетъ и что „Ушаковъ“ черезъ самое короткое время перевернется.

Никогда не забуду я спокойствія и полнаго самообладанія, съ какимъ держалъ себя въ это время А. А. Мусатовъ.

Въ кителѣ, съ надѣтой поверхъ портупеей, съ револьверомъ на боку, самымъ невозмутимымъ голосомъ отдавалъ онъ съ мостика какія-то приказанія, плававшей за бортомъ, командѣ и затѣмъ также спокойно доложилъ командиру о положеніи судна.

Въ это время, въ рубкѣ находились, кромѣ командира, еще нашъ старшій штурманъ и я.

Простившись со всѣми, снялъ я сапоги и тужурку, пробѣжалъ, подъ свистъ осколковъ, по мостику и, миновавъ нѣсколько изуродованныхъ труповъ, благополучно спустился на ютъ.

Здѣсь у кормовой башни въ послѣдній разъ увидѣлъ я своего дорогого товарища Бориса Константиновича Жданова, погибшаго съ кораблемъ, и какъ мы, всѣ его соплаватели, думаемъ, погибшаго нарочно, по своей волѣ.

Какъ разъ въ это время, снова раздался страшный взрывъ снаряда подъ кормовой башней—и „Ушаковъ“ началъ крениться еще быстрѣе. Спустившись за бортъ, я съ огромными усиліями отплылъ отъ гибнувшаго броненосца, точно притягивавшаго меня къ себѣ.

Минуты черезъ три послѣ этого, совершенно избитый корабль легъ совсѣмъ на правый бортъ, перевернулся кверху килемъ, а затѣмъ, кормой книзу, пошелъ ко дну, сопутствуемый криками „ура“ плававшей вокругъ команды.

И пока не скрылся подъ водой послѣдній край тарана, японцы ожесточенно добивали своего малень-

каго, строптиваго врага, гордо отвергшаго ихъ позорное предложеніе о сдачѣ.

Гибель броненосца „Адмиралъ Ушаковъ".

Это ожесточеніе въ послѣднія минуты, впрочемъ, можно объяснить тѣмъ, что пропала надежда на приводъ въ Японію лишняго трофея, въ полученіе котораго никто на крейсерахъ, какъ говорили потомъ намъ офицеры, послѣ сдачѣ Небогатова, не сомнѣвался.

И не-удивительно, что видя передъ собой, до конца развѣвающійся, точно дразнящій ихъ, Адреевскій флагъ, японцы старались выместить злобу на виновникахъ своей неудачи, осыпая, безпомощно плавающихъ въ водѣ, людей жестокой шрапнелью, для чего крейсера,

видя гибель „Ушакова“, приблизились кабельтовыхъ до 40. И много, много страшныхъ сценъ разыгралось на водѣ за эти послѣднія минуты.

Ежесекундно, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, разрывались снаряды и мѣста ихъ разрыва окрашивались кровью.

Одинъ-же изъ снарядовъ попалъ въ центръ большаго пробковаго круга, на которомъ держалось около двадцати человѣкъ. Къ счастью своему я не былъ свидѣтелемъ этого ужаснаго попаданія, но видѣвшіе его говорятъ, что взрывъ этотъ былъ совершенно краснаго цвѣта и сопровождался цѣлымъ фонтаномъ рукъ, ногъ, головъ и другихъ частей двухъ десятковъ изорванныхъ, человѣческихъ тѣлъ.

Да и, кромѣ этого случая, много людей было перебито по отдѣльности. Нѣкоторые были высоко подброшены взрывами снарядовъ, но уцѣлѣли.

На себѣ я испыталъ крайне непріятное и рѣзкое ощущеніе отъ близкаго разрыва снарядовъ, передающееся въ водѣ и съ силой ударяющее по животу и ногамъ.

Въ моментъ погруженія „Ушакова“, внутри броненосца произошелъ еще взрывъ, не знаю чего именно и не отличавшійся большой силой.

Въ этотъ день, хотя и не было свѣжаго вѣтра, но зыбь въ морѣ развело очень крупную и очутившіеся въ водѣ триста человѣкъ, то большими группами вскидывались на вершину одной огромной волны, то разбрасывались ею-же въ разныя стороны.

И многіе, разставшись такъ случайно, болѣе уже не встрѣчались.

Крейсера непріятеля, бывшіе отъ насъ на разстояніи 4—5 миль, съ воды были еле примѣтны на горизонтѣ.

Казалось, что они или удаляются, бросивъ насъ на произволъ судьбы, или стоятъ на мѣстѣ, но что спасать утопающихъ они не намѣрены.

И дѣйствительно, не менѣе какъ черезъ часъ стали они къ намъ приближаться, затѣмъ снова остановились на полпути, какъ бы въ раздумьи и уже потомъ подошли близко, спустили по двѣ шлюпки и стали вытаскивать изъ воды плавающихъ, измученныхъ людей.

А за это время не мало народу выбилось изъ силъ, окоченѣло и погибло. Нѣкоторые-же, дойдя до полнаго изнеможенія и видя, что крейсера не подходятъ, впадали въ отчаяніе и отвязывая и бросая свои пояса тонули, чтобы не мучиться долго и напрасно. Вода, сначала казавшаяся довольно теплой, съ теченіемъ времени становилась все холоднѣе и этотъ холодъ погубилъ тѣхъ, у кого сердце не было вполнѣ исправно и здорово.

Долгое время держался я на одномъ бревнѣ съ нашимъ старшимъ боцманомъ Тройницынымъ.

Лѣвымъ локтемъ онъ опирался на бревно и держалъ передъ собой, крѣпко зажатый въ застывшихъ пальцахъ, образокъ, а правой усиленно гребъ и лишь отъ времени до времени осѣнялъ себя крестнымъ знаменемъ.

Большаго роста, сильный мужчина, Тройницынъ подъ конецъ такъ окоченѣлъ, что одно время хотѣлъ уже бросить свой поясъ и тонуть.

Мнѣ пришлось его уговаривать, поддерживая бодрость надеждой на скорую помощь.

Находясь недалеко уже отъ навѣтреннаго борта крейсера „Ивате“, я былъ разлученъ съ боцманомъ набѣжавшей большой волной, которая какъ щепки разбросала насъ въ разныя стороны и оказалось, что Тройницына она удачно поднесла къ шлюпкѣ, на которую его и приняли японцы. Мнѣ же еще пришлось пережить очень и очень скверныя минуты, заставившія и меня тоже подумать объ оставленіи пояса и о скорѣйшемъ потопленіи себя и лишь то обстоятельство, что тесьма пояса была затянута на спинѣ узломъ, котораго я не могъ распутать, не дало мнѣ исполнить своего намѣренія.

Крейсеръ, отъ котораго я былъ, казалось, такъ близко, что ясно различалъ лица людей на палубѣ, относило по волнѣ лагомъ гораздо скорѣе, чѣмъ подвигался впередъ я самъ.

Одна за другой ушли двѣ шлюпки, не обращая на меня никакого вниманія, да можетъ быть и не замѣчая меня среди плавающихъ брошенныхъ коекъ, анкерковъ и разныхъ обломковъ.

А между, тѣмъ, солнце сѣло, начало темнѣть, а силы съ каждой минутой все убывали и убывали...

Но вотъ отъ праваго борта крейсера отвалила еще одна шлюпка, я направился къ ней и какъ разъ въ эту минуту страшная судорога свела мнѣ правую ногу, а шлюпка, не видя меня, занялась подбираніемъ бывшихъ на ея пути людей.

Растирая лѣвой ногой сведенную правую, работая руками изъ послѣднихъ силъ и видя, что все же ни на іоту не приблизился къ японскому барказу, я пришелъ въ полное отчаяніе.

Дѣйствительно, мысль, что, съ наступленіемъ темноты, крейсера кончатъ дѣло спасанія и уйдутъ дальше и что придется, во мракѣ и холодѣ ночи и въ полномъ одиночествѣ, остаться измученному среди моря, была такъ ужасна, что лучше казалось умереть сейчасъ же...

Эти послѣднія минуты, проведенныя на водѣ, были несравненно хуже и страшнѣе всего того, что было испытано и перечувствовано за два дня боевъ.

И теперь еще, съ ужасомъ и содроганіемъ, вспоминаю я эти минуты...

А тогда, въ послѣдній разъ вознеся молитву Богу, вспомнивъ своихъ близкихъ и мысленно простившись съ ними, началъ я освобождаться отъ своего пояса, тѣмъ болѣе, что дольше плавать я былъ не въ силахъ и начиналъ уже захлебываться... И вдругъ, въ этотъ ужасный мигъ, я услышалъ голосъ, кричавшій мнѣ со шлюпки:

— „Держитесь, ваше благородіе, сейчасъ подойдемъ къ вамъ“.

Оказалось, что это меня замѣтилъ въ водѣ мой старый соплаватель, еще по Черному морю, матросъ Петрукинъ, который въ это время что-то усиленно объяснялъ рулевому японцу, жестикулируя и указывая на меня.

И, дѣйствительно, шлюпка, бывшая отъ меня всего лишь въ нѣсколькихъ саженяхъ, которыхъ я не въ силахъ былъ преодолѣть, тотчасъ же подошла и стоявшій на бакѣ матросъ подалъ мнѣ крюкъ.

Я ухватился за него, но подняться не могъ, такъ

какъ силы сразу совершенно оставили меня, голова закружилась и меня затѣмъ уже, въ почти безсознательномъ состояніи, вытащили за руки на шлюпку Петрухинъ и боцманъ Митрюковъ.

Спасли меня, когда уже совсѣмъ стемнѣло, т. е. около $8^1/_2$ часовъ, такъ что, значитъ, купанье мое продолжалось почти три часа. Купанье, котораго никогда не забуду и ни себѣ болѣе, и никому другому не пожелаю!

Когда я очутился въ шлюпкѣ, одѣтый въ одно лишь, прилипшее къ тѣлу, бѣлье, мнѣ стало до того холодно, что буквально зубъ на зубъ не попадалъ.

Поискавъ еще нѣкоторое время на водѣ, освѣщаемой лучами прожекторовъ, и не видя никого болѣе, барказъ направился къ крейсеру, гдѣ насъ и приняли на свое попеченіе японцы.

Съ этой минуты, я и мои товарищи очутились въ положеніи военноплѣнныхъ и долгому томительному пребыванію въ этомъ японскомъ плѣну я посвящаю отдѣльную часть своихъ замѣтокъ и воспоминаній.

Здѣсь же я хочу еще упомянуть о судьбѣ своихъ погибшихъ сослуживцевъ, какъ пришлось слышать разсказы очевидцевъ ихъ послѣднихъ минутъ.

По ихъ словамъ командиръ нашъ В. Н. Миклуха, бросился въ воду съ мостика въ послѣдній моментъ, когда „Ушаковъ“ уже опрокидывался.

Затѣмъ его видѣли въ водѣ со спасательнымъ поясомъ, но лежащимъ на спинѣ и вѣроятно уже мертвымъ, такъ какъ плавать на спинѣ тогда не было никакой возможности—огромная зыбь заливала съ головой и заставляла захлебываться.

Кто-то изъ нашихъ матросовъ видѣлъ потомъ Владиміра Николаевича около японской шлюпки, на которую, якобы, японцы его не взяли за неимѣніемъ мѣста.

По словамъ же японскихъ газетъ, отдавшихъ должное доблестному поступку командира „Ушакова“, не сдавшаго своего корабля сильнѣйшему врагу, Миклуха самъ отказался отъ помощи и указалъ на гибнувшаго рядомъ матроса.

Какъ бы то ни было, но покойный Миклуха такъ и кончилъ свою жизнь, какъ рѣзко отличался отъ прочихъ командировъ третьей эскадры.

Не спасся и старшій офицеръ, нашъ симпатичный Александръ Александровичъ Мусатовъ. Простившись съ нимъ въ боевой рубкѣ, я уже не встрѣчалъ его болѣе и лишь изъ разсказа, бывшаго по близости отъ него, матроса Макарова, узнали мы объ его послѣднихъ минутахъ.

Макаровъ говорилъ, что А. А. изъ рубки прошелъ къ барказу, который хотя и былъ разбитъ, но все же могъ оказать поддержку въ водѣ, но когда „Ушаковъ" легъ совсѣмъ на бокъ, барказъ повалился и придавилъ собою Мусатова.

Затѣмъ, по словамъ того же матроса, несчастный А. А. тщетно старался вытащить изъ кобуры револьверъ, чтобы покончить съ собою, но въ этотъ моментъ броненосецъ перевернулся, Макаровъ очутился въ водѣ и когда потомъ выплылъ, то старшаго офицера уже болѣе не видѣлъ, какъ не видѣлъ его и никто изъ команды.

Затѣмъ, неизвѣстно какъ погибъ нашъ общій любимецъ, минный офицеръ, лейтенантъ Борисъ Константиновичъ Ждановъ.

Это былъ прекраснѣйшій офицеръ и человѣкъ съ высшей степени прямыми, честными и твердыми взглядами и принципами.

— „Я въ плѣну не буду" не разъ говорилъ онъ еще на походѣ и наше общее убѣжденіе, что гордый Борисъ Константиновичъ исполнилъ свое намѣреніе и не захотѣлъ пережить своего корабля, а погибъ вмѣстѣ съ нимъ.

Про него говорятъ разно. Одинъ матросъ видѣлъ, что Ждановъ хотѣлъ броситься за бортъ съ анкеркомъ въ рукахъ; другой же утверждаетъ, что, передъ самымъ потопленіемъ корабля, онъ сошелъ по трапу внизъ.

Кромѣ перечисленныхъ офицеровъ, погибли еще: нашъ младшій механикъ Трубицынъ, прапорщикъ Зоричъ и коммисаръ Михѣевъ. А изъ числа кондукторовъ не вынесли холода и умерли на водѣ: Маруловичъ,

Звягинъ и Федоровъ. Потери среди матросъ достигли 83 человѣкъ, такъ что всего съ „Ушаковымъ“ унесено 93 человѣческихъ жизни.

Миръ праху и вѣчная память всѣмъ погибшимъ дорогимъ боевымъ товарищамъ, положившимъ свою жизнь за Государя и Родину!

Чтобы не быть въ своемъ разсказѣ односторонниимъ, я привожу здѣсь выдержку изъ японскихъ газетъ, которая, вкратцѣ, описываетъ нашъ бой такимъ образомъ:

„Около 10 часовъ утра, эскадра Небогатова сдалась, ушелъ одинъ лишь „Изумрудъ“. „Ивате“ бросился его преслѣдовать, но адмиралъ Того сдѣлалъ ему сигналъ остановиться, вѣроятно, потому, что считая скорость „Изумруда“ въ 22½ узла, находилъ преслѣдованіе крейсеромъ въ 20 узловъ безполезнымъ.

Съ 10 часовъ утра и до 3 час. дня, японцы занимались необходимыми подробностями пріема кораблей Небогатова, послѣ чего они отправились на югъ.

Того имѣлъ при себѣ двѣ главныхъ эскадры: четыре броненосца съ „Нисиномъ“ и „Касугой“ и шесть броненосныхъ крейсеровъ адмирала Камимуры.

Вскорѣ японскіе корабли замѣтили дымъ парохода, въ которомъ они признали русскій броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“.

Послѣдній, замѣтивъ ихъ дымъ, направился сначала къ японцамъ, принявъ ихъ, вѣроятно, за эскадру Небогатова, но увидѣвъ свою ошибку, повернулъ и сталъ уходить полнымъ ходомъ.

На разстояніи десяти тысячъ метровъ, японцы сдѣлали ему сигналъ „сдаться“ и прибавили что Небогатовъ уже сдался.

„Ушаковъ“ поднялъ до половины отвѣтъ, но спустилъ его раньше, чѣмъ японцы могли разобрать что либо и открылъ огонь.

Тогда японскіе крейсера стали отвѣчать и черезъ 30 минутъ потопили русскій корабль.

Послѣ этого, крейсера поспѣшили на мѣсто гибели „Ушакова“, причемъ „Ивате“ подобралъ 182 человѣка, изъ которыхъ двое (механикъ Яковлевъ и матросъ Клыковъ) немедленно умерли. „Якумо“ же

спасъ около 146 человѣкъ. Весь экипажъ „Ушакова“ состоялъ изъ 422 человѣкъ, изъ которыхъ около ста погибло.

Затонулъ „Ушаковъ“ 15/28 мая, въ 6 часовъ и нѣсколько минутъ вечера.

Спасеннымъ людямъ, на крейсерахъ немедленно дали сухое платье и немного коньяку. Нѣкоторые казались сумасшедшими, бѣгая изъ стороны въ сторону и безнадежно схватывая первый попавшійся предметъ въ руки. Очевидно, воображеніе ихъ еще было напол нено впечатлѣніями пережитой катастрофы.

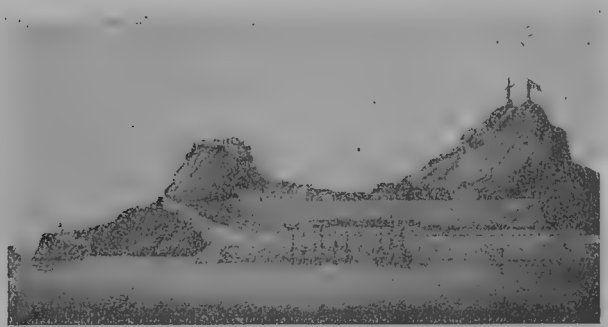
Но большая часть русскихъ сознавала свое положеніе и помогала своимъ товарищамъ.

„Ушаковъ“ имѣлъ 4 10-ти-дюйм. пушки и былъ разстрѣливаемъ восемью 8-ми-дюйм. орудіями.

Одинъ изъ снарядовъ „Ушакова“ ударилъ въ „Ивате“ и на нѣсколько минутъ охватилъ его огнемъ“.

Эта выдержка была напечатана на французскомъ языкѣ въ одной изъ газетъ и рисуетъ дѣло почти совершенно такъ, какъ оно описано у меня.

Н. Д.



Крѣпость Корфу, покоренная Ѳ. Ѳ. Ушаковымъ.

Списокъ чиновъ, бывшихъ на броненосцѣ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ",

въ бояхъ 14 и 15 мая 1905 г.

Капитанъ 1 ранга Владиміръ Николаевичъ *Миклуха*, умеръ въ водѣ.

Капитанъ 2 ранга Александръ Александровичъ *Мусатовъ*, (Ст. офиц.), погибъ съ кораблемъ, раздавленъ барказомъ.

Лейтенантъ Николай Николаевичъ *Дмитріевъ*. (Старшій Артиллеристъ).

Лейтенантъ Евгеній Александровичъ *Максимовъ*. (Ст. Штурманъ).

Лейтенантъ Александръ Петровичъ *Гезехусъ*. (Младш. Артил. Кормовая Башня).

Лейтенантъ Дмитрій Дмитріевичъ *Тыртовъ*. (Носовая башня).

Лейтенантъ Борисъ Константиновичъ *Ждановъ*. (Минный офицеръ). Погибъ съ кораблемъ, спустившись внизъ, не желая спасаться.

Мичманъ Владиміръ Александровичъ *Голубевъ*. (Ком. 120 m/m. бат.).

Мичманъ Александръ Александровичъ *фонъ-Транзе*. (Дальномѣрн. офицеръ).

Мичманъ Яковъ Васильевичъ *Сипягинъ*. (Дальномѣрн. офицеръ).

Мичманъ Иванъ Александровичъ *Дятловъ*. (120 m/m. ар. лѣваго борта).

Старшій Инженеръ Механикъ Федоръ Андреевичъ *Яковлевъ* умеръ на „Ивате" черезъ пять минутъ, по спасеніи погребенъ въ Сасебо.

Инж. Мех. поручикъ Леонидъ Викторовичъ *Джененовъ*. (Трюмный).

Инж. Мех. поручикъ Николай Егоровичъ *Трубицынъ*. (по Гидравликѣ). Умеръ отъ холода въ водѣ.

Прапорщикъ по морской части Эммануилъ Николаевичъ *Зоричъ*. (При подачѣ). Умеръ отъ холода въ водѣ.

Прапорщикъ по механической части Александръ Ивановичъ *Красковъ*.
Докторъ Павелъ Владиміровичъ *Бодянскій*.
Комиссаръ Петръ Алексѣевичъ *Михѣевъ*. Убитъ снарядомъ въ водѣ на спасательномъ кругѣ.

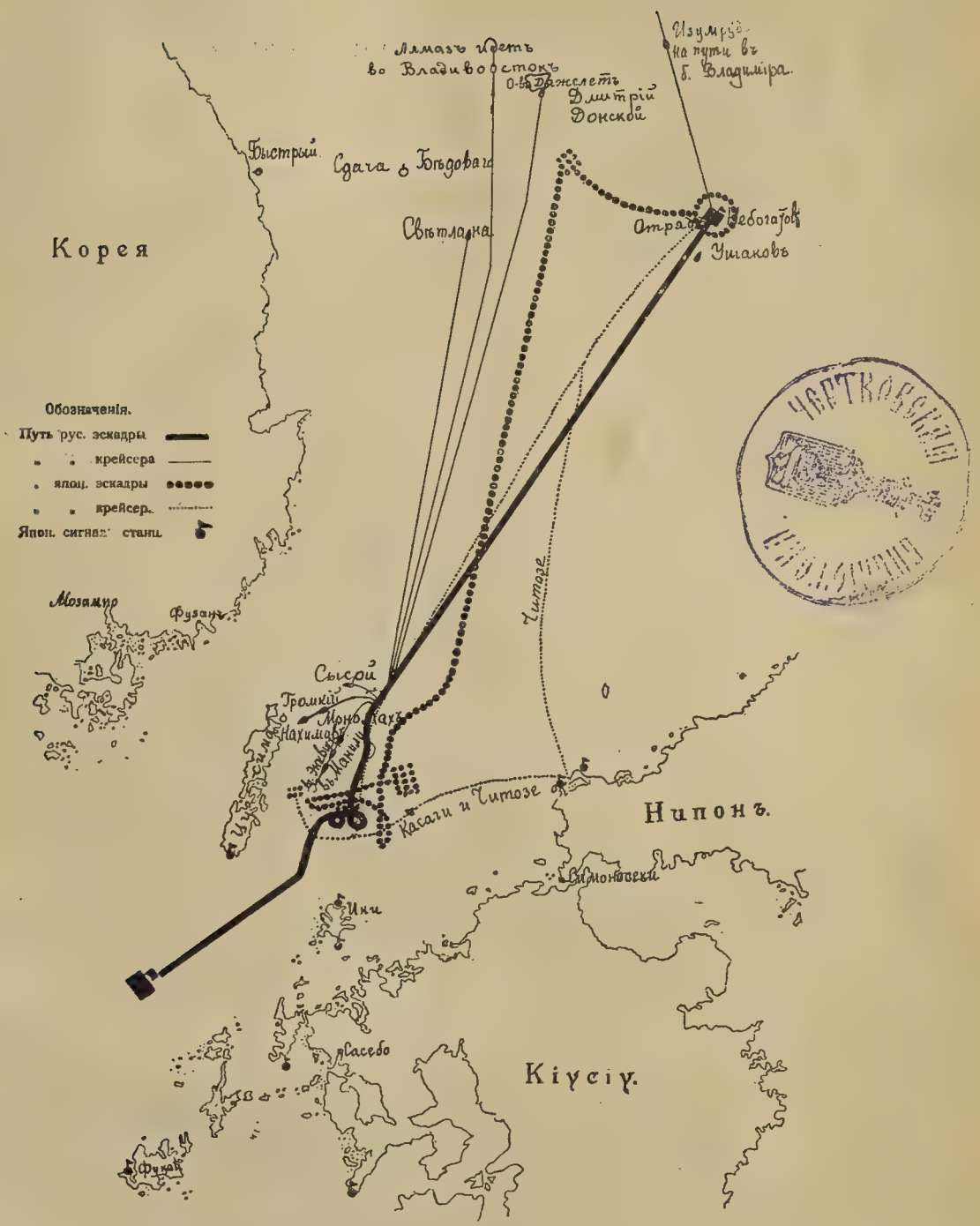
Кондукторы:

Шхиперъ *Степановъ*.
Минный *Никоновъ*.
Артиллерійскій *Шутовъ*.
Машинный *Маруловичъ*. Умеръ въ водѣ отъ холода.
Минно-артил. содерж. *Звягинъ*. Умеръ въ водѣ отъ холода.
Маш. сод. *Федоровъ*. Умеръ въ водѣ отъ холода.

Погибъ непобѣжденный.

Замѣченныя опечатки.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран.	7	сверху	4 строка	вышепоименованный.	вышеупомянутый
„	24	„	17 „	усиленное	дальнѣйшее
„	26	„	16 „	теплая	темная
„	32	снизу	13 „	поджидающій	поджидающей
„	36	сверху	1 „	производились что такъ	производились такъ, что
„	37	„	12 „	походный	который
„	41	снизу	1 „	наполняющій	наполняющей
„	46	„	5 „	послѣ 5 часовъ	около 4 часовъ
„	49	„	10 „	мауерская	мастерская
„	49	„	13 „	почти со всѣмъ почти личнымъ составомъ	почти со всѣмъ личнымъ составомъ
„	50	„	7 „	дручающее	удручающее
„	51	„	4 „	приволиди	приводили
„	52	сверху	14 „	Эти-то огни то служили	Эти-то огни и служили
„	54	„	6 „	кабельтовъ	кабельтова
„	55	снизу	6 „	головное	головного
„	57	сверху	5 „	отупенія	отупѣнія
„	63	„	15 „	обстановка	обстановкѣ
„	66	„	8 „	исчезали	исчезли
„	74	„	9 „	вручную	въ ручную
„	77	снизу	7 „	сдачѣ	сдачи


Ямазъ идетъ
во Владивостокъ
Изумрудъ
на пути въ
б. Владиміра
Дмитрій
Донской
Быстрый
Сдача о Бъдовая
Светлана
Отрядъ
Небогатовъ
Ушаковъ
Корея
Обозначенія.
Путь рус. эскадры
крейсера
япон. эскадры
крейсер.
Япон. сигнал. станц.
Мозампо
Фузанъ
Сысой
Громкій
Нахимовъ
Ямамото
Ламаки
Касаги и Читозе
Нипонъ.
Симоносеки
Инчи
Сасебо
Кіусіу.
Фунай
Читозе

РУКОВОДСТВО

для совмѣстнаго обученія нижнихъ чиновъ одновременно письму и чтенію.

Составлено и издано лейтенантомъ

В. ЛЕПКО.

Рекомендовано Циркуляромъ Главнаго Морского Штаба за № 336 отъ 8 ноября 1906 г.

Поступило въ продажу въ магазинахъ „Новаго Времени", Риккера и Березовскаго. Складъ изданія въ редакціи Морского Сборника (зданіе Адмиралтейства).

По требованію высылается наложеннымъ платежемъ, за счетъ покупателя.

Продажа производится въ складѣ, отъ 10 ч. утра до 3-хъ дня ежедневно, кромѣ праздниковъ.

Цѣна **„Руководства"** . . . . . **75** к.
„ Тетради № 1 . . . . . **10** „
„ „ „ 2 . . . . . **5** „

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

научно-популярный и литературный журналъ съ иллюстраціями

„МОРЕ"

Пятый годъ изданія.

Журналъ имѣетъ цѣлью всестороннее ознакомленіе читателей съ моремъ, жизнью въ немъ и на немъ, и разработку различныхъ вопросовъ, касающихся нуждъ мореплаванія во всѣхъ его видахъ. Разсказы, стихотворенія и воспоминанія изъ морского быта и промысловъ. Статьи спеціальныя, въ популярномъ изложеніи о торговыхъ портахъ и водныхъ сообщеніяхъ.

По мѣрѣ накопленія матеріала, будутъ выдаваться приложенія, какъ литературнаго, такъ и спеціальнаго характера, техническаго и экономическаго.

Подписная цѣна за годъ:

Внутри Имперіи **12** р., за границу **15** р. съ доставкой и пересылкой.

Для членовъ Лиги Обновленія Флота, въ текущемъ году, при подпискѣ черезъ контору журнала, плата назначается всего **6** р. внутри Имперіи и **7** рублей за границу. Допускается разсрочка.

Подписка принимается у редактора-издателя журнала: С.-Петербургъ, В. О., 4 линія, 17 и черезъ посредство всѣхъ книжныхъ магазиновъ.

Редакторъ-издатель **Н. Н. Беклемишевъ.**

Экономич. Типо-литогр. Спб. В. О., 14 л., д. 5.